

18+

Дмитрий Седов

42

Дмитрий Седов

42. Повесть

«Издательские решения»

Седов Д.

42. Повесть / Д. Седов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-744252-1

Человек устроен так, что с течением времени он склонен забывать о многом, в том числе о важных и страшных событиях. Эта книга — напоминание о том, как далеко может зайти зло, если к нему относиться без должной серьезности и позволять ему беспрепятственно развиваться. В этой художественной повести показаны события, происходившие осенью 1942 года в одном из нацистских концентрационных лагерей, располагавшихся на территории восточной Польши.

ISBN 978-5-44-744252-1

© Седов Д.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
1914	6
1910	13
1928	18
1922	27
1934	37
1932	45
Часть 2	52
1942	52
Глава I	52
Конец ознакомительного фрагмента.	58

42
Повесть
Дмитрий Седов

© Дмитрий Седов, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

1914

Пожилой мужчина надел кипу, вытащил из кармана очки, взглянул на них, словно оценивая, надел, и перевел взгляд на присутствовавших за обеденным столом. Быстро и придирчиво осмотрев каждого, он трижды ополоснул себе руки несколькими каплями воды из стеклянного графина и произнес ровным спокойным голосом:

– Благословен ты, Господь, Бог наш, Владыка Вселенной, освятивший нас своими заповедями и давший нам повеление об омовении рук.

После этого он вытер руки белоснежным полотенцем, снял салфетку с двух хал, лежавших перед ним на столе, сделал на одной из них отметину с помощью узкого хлебного ножа, положил ладони на халы и снова начал неторопливо читать:

– Благословен ты, Господь, Бог наш, Владыка Вселенной.

– Благословен ты, Господь, Бог наш, Владыка Вселенной, – вполголоса повторили за ним присутствовавшие.

– Взрастивший хлеб из земли.

– Взрастивший хлеб из земли, – снова повторили все сидевшие за столом.

Мужчина отрезал кусочек хлеба, обмакнул его в соль, положил хлеб себе в рот и, не торопясь, разрезал и раздал часть оставшейся халы остальным. Еще раз осмотрев присутствовавших из-под очков, он продолжил:

– Благословен ты, Господь, Бог наш, Владыка Вселенной.

– Благословен ты, Господь, Бог наш, Владыка Вселенной, – повторяли за ним остальные.

– Владыка Вселенной, – чуть повысив тон, повторил пожилой мужчина и строго посмотрел на мальчика лет десяти, который, повернувшись в сторону, наблюдал за спящим на пледке котенком и не договорил фразу вместе со всеми.

– Владыка Вселенной, – чуть смутившись, быстро произнес мальчик и тут же сел прямо, глядя перед собой.

– По Чьему слову возникло всё, – закончил чтение мужчина, а потом, закрыв глаза и положив ладони на стол, несколько мгновений постоял без движения в таком положении.

– По Чьему слову возникло всё, – закончили чтение остальные и, стараясь сильно не шуметь, неторопливо принялись раскладывать трапезу по своим тарелкам.

Ненадолго в комнате наступило молчание.

– Куда только смотрят власти? – нарушила тишину женщина, сидевшая на углу большого стола. – За всеми вокруг стало нужно приглядывать, за всеми стало нужно все проверять. Представьте, сегодня Болеслав – газетчик, у которого своя лавка напротив рыбного ресторана – продал мне номер «Хайнт» трехдневной давности. Я обнаружила это только дома, когда принялась за чтение и увидела дату на заглавной странице. Сегодня ведь уже двадцать второе августа, а тот номер был от девятнадцатого.

– И что же? – спросил молодой парень, сидевший рядом с нею и быстро орудовавший ножом и вилкой.

– Я отнесла газету обратно, – возмущенно ответила рассказчица, – и высказала этому Болеславу все, что об этом думаю. Он, конечно, извинялся и вежливо предложил мне взамен свежий номер, но почему это вдруг возвращаться из дому в лавку стало моей обязанностью?

Снова ненадолго наступила тишина. Все были заняты ужином.

– И, все-таки, Люблин мне нравится, – спустя некоторое время произнесла красивая немолодая дама, протирая свою вилку салфеткой. – Спокойно тут очень. И народ весьма приветливый.

– Это смотря с какой стороны посмотреть, – отрезая себе кусок мяса, низким голосом ответила грузная женщина лет сорока пяти. – Утром я наблюдала возмутительную сцену. На рынке, что на самой окраине города, в хлебной лавке милая с виду девочка – думаю, полька – подробно расспрашивала продавца, из какой муки испекли сегодняшние лепешки. В это время какой-то мальчишка стянул две буханки из хлебной корзины, протиснулся сквозь очередь и пустился со всех ног наутек. И, заметьте, никто даже не попытался его остановить. Пока продавец пробирался к двери, пока выскочил на улицу, мальчишки уже и след простыл. Но, что самое неприятное, девочка, которая расспрашивала про лепешки, так ничего и не купив, вышла из лавки и, как ни в чем не бывало, направилась восвояси. При этом она так странно улыбалась, что всем присутствовавшим стало ясно – они со сбежавшим мальчиком заодно.

– Озоруют, чего им, – усмехнулся в ответ мужчина с длинной бородой, сидевший напротив.

– Позвольте, но ведь это не озорство, а воровство, – удивленно возразила грузная женщина. – Жаль, что рядом не оказалось жандармов.

– Ну, скажете тоже... жандармов... – мужчина поправил черную жилетку, которая не сходила с его живота, и хитро подмигнул пареньку, сидевшему рядом с ним и продолжавшему внимательно наблюдать за хозяйским котенком. – Дети есть дети. Кто из мальчишек хоть раз в жизни не пытался стянуть то, что иной раз плохо лежит?

– Нет уж, позвольте, – с укоризной глядя на мужчину, настойчиво стала возражать собеседница. – Это никуда не годится. Если такому, как вы говорите, озорству начинать потакать, то...

Она не договорила. В комнату вошла девушка лет двадцати пяти. Ее худое бледное лицо выражало сильную тревогу.

– Михаэль, – негромко позвала она. – Ада совсем плоха. У нее начались схватки. Надо звать доктора.

Высокий сутулый мужчина в сером костюме, молча сидевший за столом и, казалось, до этого момента вовсе не слушавший остальных, выронил из рук вилку с ножом и быстро вышел из комнаты. Вместе с девушкой они прошли в спальню и остановились перед широкой кроватью у дальней стены. На кровати, тяжело дыша, лежала молодая женщина. На ее осунувшемся лице с темными кругами под глазами читалось страдание. Михаэль наклонился над женщиной, поднес ладонь к ее лбу и, обернувшись, с тревогой посмотрел на стоявшую рядом девушку.

– Ревекка, беги за паном Ковальским! – взволновано произнес он, нервно сжав руки перед собой. – И, прошу тебя, побыстрее!

– Ну, что тут, Михаэль? – негромким голосом спросил пожилой мужчина, неслышно вошедший в комнату.

– Аде стало хуже, – так же тихо ответил Михаэль. – Роды, видимо, вот-вот начнутся, а у нее снова случился жар. Я уже послал за врачом.

– Бедное дитя, – пожилой мужчина сочувственно покачал головой, его лицо в круглых очках выражало сострадание. – И как только она будет рожать в таком состоянии?

– Ада! – Михаэль нежно гладил лежавшую на кровати женщину по щеке. – Ада, милая, ты слышишь меня? Все будет хорошо, родная, я обещаю.

Спустя час с небольшим в комнату вошел врач. Он деловито приложил тыльную сторону ладони ко лбу Ады, затем так же деловито осмотрел ее живот и, осторожно взяв за запястье, быстро сосчитал пульс.

– Горячую воду, посуду и чистые простыни, быстро! – распорядился он, повернувшись к присутствовавшим.

Одна из женщин, стоявших у порога, тотчас вышла из комнаты.

– Так говорите, схватки начались более часа назад? – спросил врач, обратившись уже к Ревекке.

– Да, примерно так, – быстро ответила Ревекка. – Я могу помогать, я уже один раз присутствовала при родах.

– Хорошо, останься, – с небольшим сомнением в голосе ответил Ковальский. – Остальных я прошу выйти из комнаты. И побыстрее!

Голос врача вдруг стал жестким. Казалось, он уже не просто распорядился, а отдавал приказы.

– Михаэль... – еле слышно позвала Ада. – Михаэль, останься, прошу тебя. Я... Мне больно, Михаэль...

Михаэль вопросительно взглянул на пана Ковальского. Тот, секунду подумав, неохотно кивнул. Михаэль подошел к изголовью кровати, опустился на колени и взял Аду за руку. Его жена, пытаясь перебороть боль, смотрела перед собой ничего не видящим взглядом. Боль приносила невыносимые страдания. Ада как будто полностью растворилась в ней, не чувствуя кроме этой боли ничего больше. Ей было страшно. Казалось, что боль уже никогда не прекратится, не исчезнет и не покинет ее тело. Ноги и руки не слушались, стали ватными. Перед глазами было все как в тумане. Звуки вокруг то и дело отодвигались куда-то, внезапно становясь еле слышными. Громко стучало лишь сердце в груди, как будто надрывно сообщая о том, что ему тоже больно.

Пан Ковальский, подойдя к изголовью кровати, стал поспешно объяснять Аде, что нужно делать. Сил отвечать не было, и Ада только едва заметно кивала.

Следующие полчаса длились для нее нестерпимо долго, она их почти не помнила. Сдерживать крик не получалось. Пальцы что есть силы сжимали промокшие одеяла. Врач постоянно говорил с нею, иногда мягко, иногда требовательно. Он то упрашивал ее, как ребенка, то, казалось, корил, как того же ребенка, только в чем-то перед ним провинившегося. Ковальский все время твердил, чтобы она старалась. И она старалась. Изо всех сил.

– Михаэль! Михаэль! – вдруг снова еле слышно позвала Ада.

– Да, родная моя, я здесь, я держу тебя за руку. Потерпи, осталось совсем немного. Потерпи еще чуть-чуть. Увидишь, все кончится хорошо.

– Михаэль... – тихо шептала Ада. – Обещай мне, Михаэль...

– Ада, милая, ну постарайся, ну потерпи, – Михаэль нежно гладил голову жены, изо всех сил пытаясь сделать ее страдания не столь мучительными. – Я выполню любое твое желание, ты же знаешь.

– Это девочка, Михаэль. Это девочка. Обещай, что назовешь ее Сарой. Слышишь, милый? Пообещай мне это.

– Да что такое ты говоришь, Ада? – у Михаэля защемило сердце. – Что такое ты говоришь? Мне все равно, девочка это или мальчик. Кто бы ни появился у нас с тобой, мы дадим малышу имя вместе.

– Нет... – Ада ненадолго замолчала. – Я... Я чувствую, что... И знаю... Это девочка, Михаэль. Пообещай мне, любимый. Я хочу, чтобы ты пообещал мне это. Ты назовешь ее Сарой?

– Обещаю, Ада, – в глазах Михаэля сверкнули слезы. – Обещаю назвать ее Сарой. Обещаю назвать нашу девочку Сарой. Ты только держись, слышишь? Ты потерпи, ты только придержи еще немного, осталось совсем чуть-чуть.

Ада снова закричала от боли и напряжения.

– Головка показалась, Ада, старайтесь! Уже почти все закончилось, – громко и почему-то очень встревоженно сказал врач.

Ну, вот и все. Губы Ады чуть дрогнули. Боль из монотонно повторявшихся пронзительных приступов превратилась в тупую, постоянную, проникавшую прямо в душу боль, с которой бороться было уже невозможно, да и, как ей казалось, бессмысленно. Внутри нее вдруг как будто что-то оборвалось. Странное чувство, казалось, кто-то невидимой властной рукою забрал у нее что-то важное, забрал что-то самое ценное и дорогое. Пелена застилала глаза, не позволяя видеть. Все голоса снова разом отделились куда-то. И только по-прежнему гулко стучало сердце в груди. Больно.

– Михаэль! – позвала она. – Михаэль, прошу тебя, положи мне ладонь на глаза.

Михаэль на мгновение замер, а потом наклонился к ее лицу. Слезы текли у него из глаз, и он, зажмурившись изо всех сил, тщетно пытался скрыть их.

– Нет, Ада, нет, – шепотом твердил он. – Не надо! Все ведь почти закончилось, слышишь? Все уже позади. Ты только потерпи, осталось совсем немного. Ну, будь моей умницей, Ада...

– Пожалуйста, Михаэль, – голос измученной женщины был еле слышен. – Сделай то, о чем я прошу. Ты... Ты единственный человек, от которого я могу это принять. Не лишай меня этого.

Еле сдерживаясь, Михаэль положил руку ей на глаза. Другой рукой он закрыл свое лицо, изо всех сил стараясь не разрыдаться. Время для Ады как будто остановилось. Она сделала последнее отчаянное усилие, преодолевая боль, сократила мышцы внутри, и, со стоном откинув голову на подушку, тихо произнесла:

– Бог – царь верный. Слушай, Израиль: Господь, Бог наш, Господь – один. Благословенно славное имя царства Его во веки веков!

Откуда-то спереди ей были слышны едва различимые обрывки разговора: «Обвитие пуповины... Помогай, Ревекка, помогай же... Кровь!.. Кровотечение!.. Бинты, вату... Скорее...». Ада, сделав глубокий вдох и снова собравшись с силами, продолжала еле слышным голосом:

– Люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всей душой твоей, и всем существом твоим. И будут эти слова, которые я заповедовал тебе сегодня, в сердце твоем, и повторяй их сыновьям твоим, и произноси их, сидя в доме твоём, находясь в дороге, ложась и вставая; и повяжи их как знак на руку твою, и будут они знаками над глазами твоими, и напиши их на косяках дверей дома твоего и на воротах твоих...

Боль вдруг ослабла и стала медленно уходить. С каждой секундой, с каждым мгновением Ада чувствовала, что ее все больше захватывает какая-то необыкновенная легкость, какое-то необыкновенное забвение. Все тяготы, заботы, переживания, страхи вдруг стали чем-то совершенно неважным и отодвинулись куда-то далеко-далеко, так далеко, что уже и не дотянуться,

что уже и не обрести вновь. Губы ее дрожали, дыхание стало частым и прерывистым, она продолжала:

– И будет так: если послушаетесь Моих повелений, которые Я даю вам сегодня: любить Господа, Бога вашего и служить ему всем сердцем вашим и всей душой вашей, – то дам Я дожди земле вашей в срок, от начала и до конца зимы, и соберешь ты свой хлеб, и вино, и оливковое масло; и дам траву для скота на луга твои, и будешь ты есть досыта. Но, берегитесь, чтобы ваши сердца не поддались соблазну, чтобы не свернули вы с пути и не стали служить другим богам и поклоняться им. Ибо тогда разгневется на вас Господь и замкнёт небеса; и не будет дождя, и земля не станет приносить свои плоды. И исчезнете вы вскоре с той благодатной земли, которую Господь дает вам. Примите эти Мои слова всем сердцем вашим и всей душой вашей, и повяжите их как знак на руку вашу, и будут они украшениями вашими. И научите им сыновей ваших; чтобы произносили их, сидя в доме своём, находясь в дороге, ложась и вставая; и напишите их на косяках дверей дома своего и на воротах своих. Чтобы дни ваши и дни сыновей ваших умножились на земле, которую Господь клятвенно обещал отцам вашим, как дни существования небес над землею.

Голоса спереди звучат напряженно, нервно:

– Время рождения?...

– Без четверти восемь...

– Прижмите, прижмите, Ревекка... Закрываю... Вот так...

– Аккуратнее... Тут...

– Да сколько же крови, а... Ну, что же ты... Дыши... Дыши... Начинай!

И – тишина. Ах, какая вокруг тишина. Неприятная тишина. Неуютная. Зловещая. С каждой секундой, с каждым мгновением все более неуютная, все более зловещая. Сердце в груди гулко ведет свой счет. Бух. Бух. Бух. Бух. В этой тишине каждый его удар звучит ей как приговор. Каждый его удар как будто отодвигает Аду назад, все дальше и дальше от чего-то невыносимо родного и возжеленного.

Снова голос Ковальского, тихий, напряжен до предела:

– Дыши! Давай, дыши же!

И – опять тишина. Замерло все вокруг. И время как будто застыло. Сердце разгоняется все сильнее, бьется тревожно, нервно, все больше и больше утопая в страхе. Бух. Бух. Бух. Бух. И вдруг, сквозь эту невыносимую тишину, сквозь окружающий страх, сквозь боль, тревогу и обрушившееся на нее напряжение прорвался пронзительный детский крик, такой желанный и такой долгожданный. В этот самый момент для нее не осталось ничего важнее этого первого детского крика, крика ее малыша, который только что с ее и Божьей помощью появился на свет. Голос Ады превратился в еле слышимый шепот, из глаз ее текли слезы. Она, через силу улыбнувшись самыми уголками губ, продолжала:

– И сказал Господь Моисею: обратись к сынам Израиля и скажи им, чтобы во всех поколениях делали они себе кисти-цицит на углах одежды и вплетали в каждую кисть-цицит голубую нить. И она будет у вас в кисти-цицит, и увидев её, будете вспоминать вы все заповеди Господа и исполнять их; и не будете блуждать, увлекаемые сердцем вашим и глазами вашими, которые свращают вас. Дабы помнили вы и исполняли все заповеди Мои и были святы перед вашим Богом. Я, Господь, – Бог ваш, который вывел вас из земли Египетской, чтобы быть вашим Богом. Я, Господь, – Бог ваш...

Аде вдруг захотелось выдохнуть. Не осталось ни одного желания, ни одной мысли кроме одной – выдохнуть. Пусть этот выдох будет самым значимым в ее жизни. Пусть с ним уйдет, исчезнет все то злое и скверное, что случилось с нею в нелегком прошлом. Пусть он станет ее последним словом, ее последним сбывшимся желанием. Так решила она. И выдохнула. Ее выдох был долгим, почти нескончаемым, спокойным и безмятежным. Это было ее робкое и грустное со всеми прощание, ее последнее послание всем, кого она так сильно любила. Послание о том, что, наконец, пришел и ее, Ады, час.

– Теперь аккуратно, режем, – дал команду Ковальский, кивнув стоявшей рядом Ревекке.

Девушка неловко перерезала пуповину, и темная струйка крови ударила Ковальскому в лицо, на что в ответ он еле заметно моргнул. Ревекка, не растерявшись, поспешно вытерла кровь с его лба и щеки полотенцем. Потом она нежно взяла младенца на руки и заглянула ему в глаза. Ребенок пронзительно и громко кричал.

– Девочка, смотрите, девочка! – улыбаясь и радуясь детскому крику, скороговоркой шептала она, не в силах остановиться, и по щекам ее текли слезы счастья. – Господи, а как тяжело рождалась, милая ты моя, ненаглядная ты моя. Но, ничего, значит, жизнь у тебя будет легкой и беззаботной, так ведь всегда бывает. Вот увидишь, ты все увидишь сама. Кричи, кричи, родная, кричи громче! Вот так...

Доктор Ковальский перевел взгляд на Аду и тяжело вздохнул. Он вытер сначала руки, затем лицо, шею, устало бросил полотенце в таз. Помедлив, он подошел к кусавшему губы Михаэлю и сочувственно взял его за плечо. Михаэль, не в силах сдерживаться дальше, рыдался и уронил голову на грудь умершей жены. Он держал ее за плечи и нежно прижимал к себе, будто все еще надеясь, что она вернется. Все еще надеясь на чудо. Ковальский отвел глаза и, кашлянув, негромко сочувственно произнес: «Держитесь, Михаэль, держитесь».

1910

Во время работы Штефан Шольц всегда был угрюм, сосредоточен и необщителен. Его коллеги, трое мужчин слева и двое справа от него, тоже были угрюмы, сосредоточены и необщительны. Следующая бригада, которая появлялась за несколько минут до окончания их смены, состояла из шестерых таких же крепких, как и они, мужчин, и все шестеро были одинаково угрюмы, сосредоточены и необщительны. В котельной особенно не пообщаешься. Жарко. Душно. Шумно. Казалось бы, откуда здесь шум? Ведь ни тебе громоздких механизмов вокруг, ни тебе дробительных приспособлений, нет даже хоть сколько-нибудь приличной вентиляции. А все равно – шумно. Уголь, в большом количестве сгорающий в огромных кирпичных печах, в сочетании с работой их мощных систем нагнетания воздуха, как раз и создает тот самый непрерывный и раздражающий гул, который способен доставлять весьма заметные неудобства работающим здесь людям.

Котельная это далеко не курорт. Здесь нет прислуги и нет помощников. В котельной каждый сам за себя. Особая, надо сказать, специфика. Ответственный за нагрев внимательно смотрит из-под грязных очков на приборы, регистрирующие температуру, и, если сочтет нужным, через оцинкованный рупор громко кричит шестерым мужчинам, умело орудуя лопатами в нескольких метрах правее него:

– А ну, нажми там... Быстрее, быстрее!

И кочегары, подобравшись, ускоряют темп. А как тут не ускоряться? Нет угля в печи – нет тепла. Нет тепла – нет нагрева воды. Нет нагрева воды – нет и работы. Кому они тогда нужны? Да никому, собственно. И кочегар, собравшись с силами, устало вдыхает грудью раскаленный воздух. Широкая лопата в его руках забирает на себя порцию угля с самого края высокой угольной кучи и на долю секунды замирает в пространстве. Кочегар, работая ногами, но не спиной, распрямляется. Он делает три четких шага по направлению к печи, затем, одновременно с шумным выдохом, следует точно рассчитанное по силе движение корпусом, и порция угля летит в топку. Зброшенный в печь уголь рассыпается искрами поверх раскаленной угольной массы, которая, шумно сгорая, и отдает тепло массивным чугунным трубам. И, вроде бы, на первый взгляд здесь все ясно. И вообще, казалось бы – ну что тут может быть сложного? Но, каждый, кто так подумает, ошибется. На самом деле, это лишь часть процесса. И далеко не полная, надо сказать, его часть.

До горы угля позади кочегара всего три шага. Но эти три шага – самые важные в его непростой работе. Тот, кто знает этот секрет, может работать в котельной долгое время, и ничего плохого с ним не случится. Но тот, кто этого секрета не знает, выдыхается очень скоро и не выдерживает обычно даже недели. А секрет сам по себе очень прост. Чтобы выдержать изнуряющий ритм в этой крайне неблагоприятной для человека среде, кочегар должен отдыхать по времени в пять раз дольше, чем работает. Лучше, конечно, отдыхать в семь или даже восемь раз дольше, но не всегда получается. Поэтому, как минимум – в пять. И потому три шага к горе угля опытный кочегар всегда делает не спеша, с расстановкой. Пока он идет к углю, его мускулы получают необходимую передышку. Степенно возвращаясь назад, он дает своему телу как следует отдохнуть. А затем... Затем все повторяется снова. И так, с небольшими перерывами, час за часом. День за днем. Неделя за неделей. Месяц за месяцем.

Черт бы побрал этот гул, не прекращающийся ни на минуту. Грудь постоянно давит удушливый кашель. По лицу непрерывно струится пот. И каждая лопата – все тяжелее. Три шага вперед, три шага назад. Три шага вперед, три шага назад. Три шага вперед, три шага назад. И никакого просвета. Все, о чем мечтает в такие минуты кочегар, так это о наступлении конца смены и о восьми часах глубокого сна. Но время тянется медленно. Можно сказать, буксует. Вот, кажется, прошло уже целых полдня. А посмотришь на циферблат – сорок минут, не больше. Вот, кажется, уже и смене конец. А бригадир строго машет рукой – только половину прошли. И, когда начинаешь чувствовать, что сил уже больше нет, что все часы вокруг тебя разом встали, что вместо восьми часов ты отработал уже шестнадцать, ну, может, конечно, и не шестнадцать, но уж четырнадцать точно, по твоему плечу, наконец, осторожно похлопает сменщик. И в этот момент, надо сказать, твой сменщик тебе завидует. Ведь ты уже отработал, а ему пора заступать. Ты очень скоро, умывшись и переодевшись, уже будешь спешить домой, к аппетитному ужину и теплой постели. А его друзьями почти на всю ночь станут цинковый рупор, уголь и гудящие печи. И потому так недобро усмехается сменщик твоему грязному, усталому виду, когда с обреченностью перехватывает у тебя лопату. Потому так грубо толкает тебя, когда занимает твое бывшее место у края угольной кучи. В душе он, конечно, злится. Но злится не на кого-то конкретного, а просто на всех вокруг. Теперь пришла его очередь. Его смена. Его восемь часов.

Зачерпнув лопатой угля и разогнув напряженную спину, Штефан Шольц в очередной раз дал себе слово, что его будущий сын никогда не будет работать в котельной. Штефан в очередной раз поклялся себе, что он во что бы то ни стало даст прекрасное образование своему ребенку, что он приложит все силы для того, чтобы его мальчик стал, ну, скажем...

Уголь залетел в прожорливый рот печи, подняв целое облако огненных искр. Изнутри тотчас пыхнуло жаром. Кочегар отстранился, повернул назад и привычно расслабил мышцы...

Так кем же он хочет, чтобы стал его сын? Кельнером? Белые полотенца, гордая осанка, чуть надменный вид, щедрые чаевые... Ну, пожалуй. А может, ювелиром? Тонкое пенсне, изысканные манеры, миниатюрные весы, пинцет и лупа всегда под рукой, а в помощниках – молодая фрау. Тоже неплохой вариант. Клерком? Почему бы и нет? Бухгалтером? Очень привлекательная идея! Юристом? Бог мой, да кем угодно, только не угольщиком, только не кочегаром. Зачерпнув лопатой угля, Штефан внезапно остановился. Такое случалось редко, но сейчас его будто бы озарило. Ну, конечно! Как же он сразу не догадался? Банкиром! Его сын обязательно станет банкиром. Белоснежный воротничок, фирменный галстук, свой стол, свои счета, свой толстый портфель и, конечно, изящное перо в дорогой французской чернильнице. Банкиром! Определенно, банкиром! И это, как говорится, дело уже решенное.

Кто-то сильно похлопал по его плечу. Неужели все? Да нет, не может быть, что-то подсказывало ему, что до конца смены еще как минимум пара часов. Порцию угля – в печь. Ух, как же здесь жарко... Штефан обернулся недовольно, с досадой. Рядом стоял незнакомый ему мужчина. Одет он чисто и аккуратно, сверху на плечи наброшен старый вылинявший халат. Видимо, кто-то из работников сверху. Человек в халате беззвучно открывал рот, пытаясь что-то прокричать Шольцу, но звук его голоса тонул в яростном гуле сгоравших в шаге от них тонн угля.

– Что? – громко переспросил Штефан, изо всех сил прислушиваясь и пытаясь разобрать хоть что-нибудь из того, что кричал незнакомец.

– Вы Штефан Шольц? – человек прикрыл часть лица рукой, полагая, что так его станет слышно.

Шольц утвердительно кивнул головой в ответ.

– Хорошо. Десять минут назад прибежал какой-то мальчишка, сказал, что ваша жена рожает, – снова закричал мужчина, наклонившись к самому уху Штефана и показывая пальцем в сторону выхода.

Шольц резко отпрянул в сторону и с тревогой осмотрел собеседника. Это что, шутка?

– Управляющий послал меня за вами, на сегодня у вас все, можете заканчивать работу. За сменщиком уже послали, – слова мужчины бессильно тонули в гуле печей.

Шольц вдруг почувствовал внезапную слабость в ногах. В горле тотчас пересохло. Ужасно хотелось пить.

– Ее только увезли или она уже родила? – справившись с собой, закричал он в ответ человеку, принесшему ему новость.

– Я не знаю! – собеседник недоуменно пожал плечами.

– С ней все в порядке? Скажите, она в порядке? – нервно допытывался Штефан, с тревогой заглядывая мужчине в глаза.

– Я не знаю! – собеседник с недовольной гримасой посматривал то на Шольца, то на печи, гудевшие в нескольких метрах от них.

– Это мальчик? Скажите, у меня мальчик? – не унимался Шольц, тряся мужчину за рукав вылинявшего халата.

– Да не знаю я! – человек, принесший новость, недовольно дернул рукой и, прикрывая ладонями уши, стремительно направился прочь.

С силой отшвырнув лопату, Штефан бросился к выходу. Один из пятерых кочегаров с недоумением посмотрел ему вслед, остальные даже не обернулись.

Через полчаса Шольц открыл двери одной из берлинских клиник. Взволновано объяснив молодой медсестре, что его жену привезли сюда сегодня после полудня, он потребовал немедленно провести его прямо к ней. Медсестра велела ему подождать и быстро скрылась за большими дверями. Через минуту к Штефану вышел очень солидный с виду пожилой человек в белоснежном халате.

– Я – заведующий родильным отделением, мое имя – Фридрих Майер. Вашу жену зовут Карла Шольц? – спросил врач, поблескивая дорогим пенсне.

– Да, – поспешно ответил Штефан, – да, все правильно, Карла Шольц.

– Ну и что вы так разволновались, герр Шольц? С вашей женой все в полном порядке, роды прошли без особенных осложнений, несколько преждевременно – это да, но беспокоиться не о чем.

– А... ребенок? – все еще тревожась, спросил Шольц.

– У вас мальчик, – после небольшой паузы с улыбкой ответил врач. – Подождите немного, и вас проводят к жене, она сейчас еще очень слаба и отдыхает в одной из наших палат. А сейчас, прошу меня извинить, мне нужно работать.

И он направился в другой конец коридора.

– Фрау Бахман, – заметил Майер по ходу, – будьте добры, наладьте наш календарь. Сегодня одиннадцатое апреля, выходные давно прошли, а на нем все по-прежнему воскресенье.

Войдя в палату, Штефан скользнул к кровати и нежно взял руку жены в свою. Карла открыла глаза и почему-то улыбнулась ему слегка виноватой улыбкой.

– Как ты себя чувствуешь, дорогая? – спросил Шольц, начиная, наконец, успокаиваться.

– Все хорошо, милый, – ответила ему жена, – обо мне здесь прекрасно заботятся.

– Может, тебе что-то нужно? – спросил Штефан. – Ты только скажи! Меня отпустили с работы, и я мог бы...

– Нет, Штефан, – Карла снова улыбнулась ему своей чудесной улыбкой, – пока ничего не нужно.

В палату вошла медсестра и, подойдя к Шольцу, аккуратно передала ему малыша, закутанного в несколько белоснежных пеленок.

– Всегда поддерживайте ему голову, – с серьезным видом объяснила она Штефану, когда тот неуклюже принял младенца на руки, – и локоть держите вот здесь. Нет, нет, ближе. Передвиньте, передвиньте сюда...

Шольц, затаив дыхание, с опаской заглянул внутрь белоснежного остроконечного свертка. Его малыш, его мальчик оказался беспомощным розовым человечком, со светло-голубыми выразительными глазами и крохотным влажным носиком. Голова младенца, покрытая редкими светлыми волосами, выглядела настолько хрупкой и маленькой, что, казалось, легко могла уместиться у Шольца в одной ладони. На левой щеке мальчика, возле самого его рта, была заметна крохотная родинка, и когда ребенок беззвучно двигал своими маленькими розовыми губами, родинка смешно двигалась вслед за ними – вверх и вниз. Младенец, несмотря на то, что совершенно ничего не понимал и выглядел полностью беззащитным, к удивлению Шольца, не кричал, а спокойно смотрел на него и еле заметно покачивал головой из стороны в сторону, как будто терпеливо ожидая, когда же, наконец, взволнованный отец вдоволь насмотрится на своего сына.

Шольц, сияя, повернулся к жене и медсестре, обеспокоенно наблюдавшими за его движениями.

– Это – мой сын, – взволнованно произнес он, с трудом выговаривая слова. – Мой сын, понимаете? Сегодня я стал отцом!

– Мальчика пора кормить, герр Шольц, – улыбнувшись, сказала в ответ медсестра, – прошу вас, не заставляйте его голодать и требовать себе законное пропитание.

– Он станет банкиром, – сияя от счастья, не унимался Штефан. – Запомните эти мои слова. Сегодня родился великий банкир, который в будущем станет известным во всей Германии.

Словно в ответ на слова медсестры ребенок заплакал. Сначала чуть слышно, как будто тихонько покашливая, но, с каждой секундой, его плач становился все громче и громче, пока, наконец, не превратился в безудержный детский крик, похожий на тот, которым время от времени наполнялись другие палаты этой больницы. Штефан, не помня себя от радости, сделал умиленное лицо и попытался успокоить младенца, ритмично покачивая его на своих руках.

– Ну все, Штефан, хватит! И правда – хватит. Неси его сейчас же ко мне, – строго просила Карла. – Штефан! Все, прекрати, твоего сына пора кормить.

Шольц отдал ей мальчика и с восторгом смотрел, как малыш, едва попав в руки матери, сразу же успокоился и взял ее грудь. Он сел рядом с женой на кушетку и, легонько тронув ее за локоть, произнес благодарно, просто и искренне: «Спасибо тебе, родная моя. Огромное тебе человеческое спасибо, Карла!».

1928

– Wir tanzen mit freude jeden tag , – вполголоса повторила Сара и поставила в большой тетради точку после только что написанного ею предложения. Затем она, с облегчением вздохнув, отложила карандаш в сторону и довольно посмотрела на целые две страницы, исписанные крупным неровным почерком.

– Ну, давай теперь посмотрим, что там у тебя получилось, – с улыбкой сказала пани Чижевская и, взяв в руки ее тетрадь, быстро побежала по строкам внимательным взглядом. При этом она изредка кивала головой и одобрительно добавляла время от времени: – Так, так, прекрасно... Очень, очень хорошо.

Сара, смущенно посматривая на преподавателя, терпеливо ждала результата ее проверки.

– Что ж, Сара, в этот раз всего две ошибки, – наконец, подвела итог пани Чижевская и, повернув тетрадь к девочке, обвела два слова на последней странице красным карандашом. – Смотри, вот здесь и здесь. Что именно здесь неверно, предлагаю тебе определить самой, это будет твоим домашним заданием.

– Хорошо, – вздохнув, ответила Сара и немного разочарованно посмотрела на красные отметки, сделанные женщиной. – Немецкий мне жутко нравится, но какой же он, все-таки, запутанный и сложный язык.

– С твоим усердием ты освоишь его очень скоро. Поверь, я со многими детьми работала в своей жизни и знаю, о чем говорю, – пани Чижевская с улыбкой закрыла тетрадь и отдала ее Саре. – Главное – не сдаваться и не бросать занятия.

– Вы и правда так считаете? – с надеждой в голосе спросила Сара, убирая тетрадь и карандаши в старенькую потертую сумку.

– Конечно! У тебя, определенно, имеются склонности к изучению языков, при этом, я вижу, что тебе самой нравится развиваться в этом направлении. Кроме того, Сара, бытует мнение, что немецкий язык, конечно, более сложный, по сравнению с некоторыми европейскими языками, но, в то же время, он несколько проще многих славянских языков, например, польского. Так что, если уж мы с тобой можем прекрасно общаться на польском, то, поверь, и на немецком сможем общаться столь же легко и непринужденно. Тебе просто нужно немного времени.

– Спасибо вам, – поблагодарила женщину Сара и, вздохнув, направилась к выходу. У самых дверей она обернулась и с улыбкой добавила: – Спасибо и до свидания.

– До свидания, Сара, – улыбнулась в ответ пани Чижевская. – Жду тебя в пятницу. И не забудь, пожалуйста, про домашнее задание.

Сара вышла на улицу. Настроение было прекрасным. Среди горожан утреннего Люблина ей всегда было спокойно и беззаботно. Люблин был ее городом, таким родным и таким уютным, а люди здесь, приветливые и добродушные, казалось, в большинстве своем были ее давними хорошими знакомыми. Сара перешла через оживленную улицу и остановилась на другой

ее стороне возле небольшого магазинчика, украшенного многочисленными резными карнизами. Здесь уже много лет продавались ювелирные украшения. Рахель, как всегда, опаздывала, и она, чтобы не заскучать, стала с интересом разглядывать привлекательные изделия на витрине. Среди большого количества всевозможных браслетов, коле и сережек, Саре сразу же приглянулось тоненькое колечко с одним-единственным небольшим фиолетовым камешком. Кольцо было таким маленьким и изящным, что, казалось, неизвестный девушке мастер намеренно создавал его именно для подростка. Но, самым захватывающим было то обстоятельство, что, если смотреть на камешек с разных сторон, то он начинал искриться на солнце как-то уж совсем необычно и переливался, при этом, особенными, непохожими друг на друга оттенками. Сара любовалась понравившимся ей колечком и думала, как было бы здорово иметь у себя такое и надевать его на руку в день своего рождения или на празднование Хануки.

Через несколько минут появилась Рахель. Быстро и аккуратно петляя среди прохожих, она шла по другой стороне улицы с таким видом, как будто была перед ними в чем-то виновной. Сара, посмотрев на нее, не смогла сдержать улыбки. Сказать, что Рахель была ее лучшей подругой, пожалуй, было бы не совсем верным. Скорее, Рахель была ее единственной настоящей подругой, они были знакомы уже шесть лет, и за все это время между ними почти не случилось ни ссор, ни взаимных обид. По характеру Рахель была более упрямой, чем Сара. Но всегда, когда между девочками возникал какой-нибудь спор, в нужный момент Рахель умела остановиться. Это мгновенно делало создавшееся недопонимание чем-то неважным и напоминало обеим, что дружба гораздо более значима и ценна, чем любые мимолетные разногласия. В такие моменты Рахель смотрела на нее долгим загадочным взглядом, который, как Саре казалось, всегда выражал примирение и как будто скрытый намек на что-то, о чем знала только она, Рахель. И спорить дальше уже совсем не хотелось.

В сером шерстяном свитере с очень высоким воротником, в легком коротеньком пальто, которое сидело на ней, как влитое, в модной темно-зеленой шляпке, Рахель сегодня выглядела особенно привлекательной. Довольно высокая для своих тринадцати лет, худая, темноглазая, с прямыми длинными темными волосами, которые она всегда аккуратно собирала вместе и часто укладывала поверх пальто на левом плече, подруга Сары умела быть ни на кого не похожей. И эта индивидуальность шла ей. Рахель пересекла дорогу, озабоченно поглядывая по сторонам. Извиняясь, приложила руку к груди, столкнувшись на тротуаре с газетчиком. И, наконец, подошла к ожидавшей ее подруге. Демонстративно вздохнув, она покачала головой, давая понять, что оправданий у нее никаких. Сара с улыбкой смотрела на нее, выдерживая необходимую паузу.

– Ну, хорошо, хорошо, я опять опоздала! – кивнула Рахель и взглянула на подругу с едва заметным сарказмом.

Сара продолжала смотреть на нее, как будто подобный ответ казался ей слишком мягким.

– Хорошо, ты права, – сдалась Рахель, очаровательно улыбнувшись. – Я ужасно непунктуальная, несобранная, медлительная наседка. Извини, что снова заставила тебя ждать.

– Ладно уж, – рассмеялась Сара и осторожно поправила подруге прическу. – Пойдем скорее, а то пан Шиманский скоро уедет.

Быстрым шагом девочки прошли два квартала и свернули в неприметный переулок, где располагалась небольшая молочная лавка. Хозяин лавки, пан Шиманский, был пожилым,

усталым поляком, худошавым, с аккуратно подстриженной седой бородкой и с неизменной курительной трубкой во рту. Он славился своей извечной недоверчивостью; и, хотя всегда разговаривал с незнакомыми ему посетителями тихим вежливым тоном, все же, время от времени, не забывал и приглядывать за ними настороженным, внимательным взглядом. Два раза в неделю пан Шиманский отвозил молоко в небольшой костел, располагавшийся на окраине крохотной деревеньки, милях в шести к юго-востоку от Люблина. В лавке за старшую он оставлял свою жену Барбару – неразговорчивую женщину лет пятидесяти, с утомленным лицом и точно таким же, как у мужа, недоверчивым взглядом. Сара и Рахель как-то обмолвились, что им нравится гулять на природе, подальше от городского шума и суеты, и пан Шиманский стал иногда брать девчонок в свои поездки, высаживая их за городом для прогулки и забирая через пару часов на обратном пути. Он знал их давно; ему нравилось слушать, как девочки, сидевшие позади него в скрипучей телеге, хихикая, болтали о чем-то своем, и от их детских беззаботных бесед длинная скучная дорога до костела казалась ему всегда немного короче.

– Добрый день, пан Шиманский! – хором поздоровались подруги, с опаской обходя запряженную лошадь, смиренно стоявшую неподалеку от лавки. – Можно ли нам сегодня проехаться с вами?

– Здравствуйте, здравствуйте, милые пани, – улыбнулся молочник в седую бородку, – отчего же нельзя? Можно, конечно, места всем хватит. Сейчас только поставлю последний бидон, и двинемся в путь.

Пан Шиманский, охнув, поднял тяжелый молочный бидон и рывком поставил его на телегу.

– Забирайтесь, чего стоите? – скомандовал он подругам, и проворно запрыгнул на край телеги.

Вслед за ним устроились на сене и девочки.

– Я поехал, Барбара. Вернусь, как всегда, ближе к вечеру, – крикнул Шиманский жене, а затем, ловко раскурив свою трубку, дернул поводья и скомандовал лошади: – Ну-ка, пошла!

Телега, покачиваясь, двигалась по многолюдным улочкам Люблина. Пан Шиманский то тянул поводья к себе, приказывая лошади сбавить шаг, то подбадривал ее хлесткими короткими фразами, принуждая идти быстрее. Вокруг них куда-то спешили люди самых разнообразных возрастов и профессий. Многочисленные газетчики зазывали покупателей громкими привычными фразами. Торговцы всякой мелочью внимательно посматривали на проходивших мимо горожан, оценивая, кто из них готов расстаться со своими деньгами ради товара. Но большинство же прохожих просто спешили куда-то по своим делам. Возле одного из старых домов Сара вдруг увидела мальчишку, рисовавшего что-то на большом полотне, небрежно установленном на треногу. Паренек бросал взгляды на улицу и делал быстрые мазки на холсте, умело орудуя своей кистью. На миг взгляд мальчишки задержался на них с Рахель. Казалось, что юный художник вдруг ненадолго застыл, не в силах пошевелиться. Но через мгновение он словно очнулся и наклонился к своему полотну, взмахивая кистью еще быстрее, чем прежде.

– Ну что, сыграем? – с вызовом спросила Рахель, повернувшись к Саре. – В этот раз я уж точно тебя обойду.

– Ты-то? – ответила Сара и с шутливым презрением осмотрела свою подругу. – Ну, давай, начинай, посмотрим, на что ты способна.

– Почему я? Начинай теперь ты, я начинала уже в прошлый раз.

– Давай, давай, ты же знаешь, что начинает всегда тот, кто слабее.

– Тот, кто слабее? – возмутилась Рахель. – Ну, смотри.

Она выпрямилась, сделала несколько глубоких вдохов и, задержав на последнем из них дыхание, с вызовом стала смотреть на свою подругу. Сара, устроившись поудобнее, тоже глубоко вдохнула и, задержав дыхание, посмотрела в ответ на Рахель, сидевшую напротив нее. Прошло секунд двадцать. Рахель нетерпеливо шевельнула плечом. Сара едва заметно улыбнулась в ответ. Девочки, не дыша, продолжали сидеть и пристально наблюдать друг за другом. Каждая из них давала понять, что ни за что не уступит. Прошло еще секунд двадцать. Рахель, стараясь оставаться спокойной, отвела в сторону взгляд и с деланным безразличием стала изучать клумбу, мимо которой проезжала телега. Затем она снова взглянула на Сару и упрямо наклонила голову в знак того, что сдаваться не собирается. Прошло еще почти полминуты. Рахель, не выдержав, шумно выдохнула и несколько раз глубоко и быстро вдохнула, восстанавливая сбившееся дыхание. Она смотрела на подругу с едва заметной досадой. Сара же, как ни в чем не бывало, скрестила на груди руки, прикрыла глаза и стала качать головой, изображая, что напевает про себя какой-то веселый мотив. Затем она подняла руки вверх и потянулась – демонстративно, неспешно, с шутливой издевкой. Рахель, закатив глаза, отвернулась в другую сторону. Наконец, Сара тоже сдалась, медленно выдохнула и тут же несколько раз глубоко вдохнула, приводя дыхание в норму.

– С тобой бесполезно бороться, – рассмеялась Рахель, тихонько толкнув подругу рукой. – Расскажи, как ты все время выигрываешь?

– Ответ прост, – улыбаясь, ответила Сара. – Нужно сосредоточиться на чем угодно, но только не на том, что тебе нужно вдохнуть. Думай о чем хочешь, но только не о вдохе, как будто ничего не происходит, и ты дышишь, как обычно – свободной и полной грудью. Я ведь в прошлый раз тебе это уже говорила.

– Ну хватит уже, – с досадой махнула рукой Рахель. – Я спрашиваю серьезно, а ты опять за свое.

– Но я ведь сказала, – рассмеялась Сара, удивленно пожимая плечами.

– Сказала, да не сказала, – надула губы Рахель. – Ладно, если не хочешь, то и не говори, все равно я когда-нибудь сама обо всем догадаюсь.

– Ты в последнее время какая-то чересчур подозрительная, – отшутилась Сара и, приняв серьезный и важный вид, стала изображать из себя озиравшегося по сторонам шпиона.

Рахель не удержалась и снова залилась звонким заразительным смехом. Молочник цыкнул на лошадь, покачал головой и тоже улыбнулся в усы. Светило сентябрьское солнце, мимо проплывали улицы и переулки их города, впереди было еще целых полдня, прогулка по лесу

и возвращение домой на скрипучей старой повозке. Настроение у подружек было прекрасным и беззаботным.

Тем временем телега свернула на улицу Липовую, и справа от них показалось старое кладбище, расположенное почти вплотную к дороге. Возле кладбища звуки города стали почти неслышными, и Саре в какой-то момент почудилось, что даже их лошадь стала стучать подковами тише, чем раньше. Подруги переглянулись и молча принялись наблюдать за могилами, видневшимися в отдалении. Какие-то из них были ухоженными, чистыми, заботливо огороженными от других могил невысокой оградой. Другие были изрядно запущены, выглядели неряшливо, дико, и было заметно, что приходить к похороненным в них горожанам уже давно никто не торопится. Странно было видеть, как всего в двух шагах отсюда жил своей беззаботной жизнью беспечный Люблин, а здесь, так близко от его многолюдных, наполненных суетой улиц, царила зловещая тишина, и отчетливо улавливалась атмосфера вечного траура. Но через пару минут они миновали и кладбище. Дома на их пути встречались все реже, а их обитателей на улицах становилось все меньше. Оставшуюся часть пути девочки ехали молча, думая каждая о чем-то своем.

Наконец, впереди показалась знакомая роща. Молочник, попыхивая своей трубкой, продолжал управлять повозкой уверенно, деловито.

– Пан Шиманский, вы о нас не забыли? – спросила Рахель, поглядывая по сторонам.

– Не забыл, не забыл, – произнес ей в ответ молочник и потянул за поводья. Телега сбавила ход и, наконец, плавно встала у самой обочины. – Поеду обратно через пару часов, буду ждать вас на этом месте, а вы не опаздывайте.

Сара и Рахель, дружно спрыгнув с повозки, на прощание улыбнулись Шиманскому и поспешно отошли в сторону. Молочник помахал им рукою в ответ, дернул поводья, и его послушная лошадь медленно потянула телегу вперед.

Места в лесах под Люблином дикие, глухие, безлюдные. В одном из таких мест, от дороги, что выходит из города в юго-восточном направлении, через небольшой овраг вглубь леса идет неприметная, едва различимая посторонним взглядом тропинка. Прохожих здесь обычно не встретишь, разве что в сезон случайные грибники забредут ненароком, разгребая опавшую листву самодельной тростью в поисках моховика или подосиновика. И тогда тишину рощи нарушит негромкий треск сухих веток, ломающихся под подошвой добрых, крепко сшитых ботинок. Еще, время от времени, тут можно услышать, как где-то поодаль, осторожно, боясь зашуметь и привлечь внимание, проскочит мимо вас какой-нибудь лесной житель, а чуть левее и выше раздастся вдруг приглушенный стук дятла, усердно занятого своими заботами. Если идти вглубь леса по этой тропинке, то впечатление бывает такое, что вы оказались в большом закрытом тоннеле и с каждым шагом отдаляетесь от входа в него все дальше. Звуки внешнего мира, становясь приглушенными и далекими, наконец, совсем исчезают, и их замещают звуки самого леса, дарящие вам целую гамму странных, пугающих ощущений. Если вам захотелось прогуляться здесь ярким солнечным днем, что же, вы увидите, как лучи солнца пробиваются сквозь кроны лип, берез и осин и образуют причудливые полупрозрачные преграды на вашем пути. Если же вы оказались в этих местах унылым осенним утром или, что еще хуже, перед самой грозой, когда небо над вами вдруг очень быстро заволакивает плотная черная туча,

то вы неожиданно для себя погрузитесь в здешний холодный и неприветливый мрак, и вам, среди всех этих высоких и неподвижных деревьев, наверняка станет по-настоящему жутко и неуютно.

А тропинка ведет вас все дальше и дальше вперед, в самую глубь этой неприветливой рощи, в самое сердце этих безлюдных, неизведанных мест. Вы начнете петлять между небольшими оврагами, поросшими густыми зарослями плюща и репейника, пройдете мимо молодого невысокого клена, который так и норовит помешать вам двигаться дальше своими длинными сильными ветками, обогнете небольшое озерцо, давно зацветшее, целиком затянутое цепкой и плотной тиной и, наконец, выйдете к красивому лугу, расположенному сразу за лесом на невысоком холме.

– Как здесь всегда спокойно и тихо, – вздохнула Рахель, когда они вышли на открытую местность из плотной рощи. – Просто обожаю эти места! Ты устала?

– Немного, – ответила Сара, сорвав красивый стебель с острыми листьями. – Да вон же уже наш дуб, сейчас отдохнем.

На другой стороне луга виднелся ствол старого поваленного дуба, который лежал на земле под едва заметным наклоном. Дуб давно засох, кору и мелкие ветки на нем ободрали лесные жители, и оттого поверхность его ствола была гладкой и приятной на ощупь. Девочки всегда отдыхали здесь во время своих прогулок, перед тем, как отправиться через рощу в обратный путь. Они удобно устраивались в неровностях ствола засохшего дерева и подолгу разговаривали друг с другом, смеясь и делись секретами. А иногда они просто молчали, наблюдая за происходящим вокруг и наслаждаясь окружавшей их тишиной. Ведь настоящая дружба ценна еще и тем, что обоюдное молчание не создает неловкости, не тяготит и не вызывает желания чем-то заполнить паузу, возникшую в дружеском разговоре.

– Я одна это вижу, Сара? – спросила Рахель, заморожено глядя куда-то вдаль. – Скажи, ты тоже это видишь? Или нет?

Поляна перед ними была как будто покрыта желтеющим шелковистым ковром. Почти идеально ровный, необычно блестящий на солнце, он выглядел так, будто кто-то недавно почистил его и высушил с особенной тщательностью. А чуть дальше, на самом краю березовой рощи стояли рядышком друг с другом две сосны. Совершенно невероятным казалось, что здесь, среди множества тонких белоснежных деревьев, смогли найти себе место два удивительных и редких в этих местах создания. Та сосна, что росла слева, была очень высокой, статной, чем-то похожей на доброго сказочного великана, и, как и подобает всем великанам, с виду выглядела несколько неуклюжей. Ее ветви, в самом низу редкие, как будто прогнувшись под тяжестью лет, в середине ствола сменялись ветвями густыми, широкими, сильными. Эти густые ветви, раскинувшись влево далеко в сторону, казалось, очень тактично, но в то же время, и строго очерчивали вокруг себя невидимую границу, как будто вежливо сообщая другим деревьям: «Пожалуйста, будьте благоразумны, не забывайте, что это наше пространство». Сосна, что росла справа, была ее полной противоположностью. Грациозная и не такая высокая, совсем без ветвей внизу и с тонкими длинными ветвями вверх, образующими вокруг ее ствола ровную правильную фигуру, она напоминала робкую спутницу, которая слегка прижималась к стоявшему рядом с ней великану, а он, наклонив свои ветви справа, обнимал ее ими за плечи, обнимал галантно, нежно и ласково. В самом верху сосна, росшая слева, слегка изгибалась и нависала над своей соседкой по лесу. И когда ветерок приводил ее верхние ветви

в движение, казалось, что сказочный великан, склонившись, что-то тихо и доверительно рассказывает своей хрупкой спутнице, рассказывает о чем-то важном и сокровенном. А иногда ветерок покачивал и ветви второй сосны, и тогда казалось, что грациозная спутница смущенно отводит в сторону взгляд и украдкой улыбается словам сказочного великана, стоявшего рядом с нею. Березы, росшие вокруг, в эти минуты походили на фей, которые большей частью безмолвствовали. Но, изредка, все же, окружающий лес издавал негромкий ласковый шелест, и тогда, казалось, что добрые феи шепотом желают великану и его спутнице счастья.

– Какой ты видишь свою жизнь через двадцать лет? – оторвавшись от пейзажа, спросила подругу Сара.

– Ну... Я стану взрослой, серьезной женщиной, обязательно умной, обязательно образованной, обязательно честной и, конечно, открытой. Я буду преподавать в одном из университетов, у меня будет обаятельный муж и двое очень красивых послушных детей. Я буду помогать деду, я буду часто навещать родителей, я... – Рахель задумалась и подняла глаза вверх, – я стану одной из тех немногих счастливых женщин, которые всегда всем довольны и которые не видят в окружающих людях лишь лодырей, нахлебников и прохвостов, как пани Барбара.

– Зря ты так, – возразила, чуть нахмурившись, Сара. – Она, на самом деле, добрая женщина, просто ей приходится много работать, и работа у них в лавке не самая легкая, сама понимаешь.

– Наверное, ты права, – согласно кивнула Рахель, удобно вытянувшись на гладком стволе засохшего дуба. – Знаешь, я давно поняла, что мы часто замечаем в людях сначала плохое, и только потом хорошее. А иногда хорошего мы и вовсе не можем увидеть. А как ты себя представляешь через двадцать лет, Сара?

Сара устроилась поудобнее рядом с подругой и замолчала. По небу плыли осенние облака причудливой формы, их было так много, и все они были такими разными, что Саре вдруг на миг показалось, что это и есть ответ на вопрос о том, каким может быть ее будущее. Оно может стать абсолютно любым, и все зависит лишь от того, каким она сама решит его видеть – вот прямо сейчас, прямо здесь, посматривая в небо и ни о чем не заботясь.

– Не знаю... Просто не знаю... – не нашлась что ответить Сара. – Одно мне известно точно. Какими бы мы с тобой ни стали в дальнейшем, я всегда буду дорожить нашей дружбой.

И, помолчав немного, шутя добавила:

– Хотя ты иногда бываешь просто невыносимой.

Рахель звонко рассмеялась и, повернувшись набок, посмотрела на Сару долгим ожидающим взглядом.

– Что? – спросила Сара, непонимающе глядя на подругу в ответ.

– Ты знаешь что, – улыбнулась Рахель. – Ну же, Сара, рассказывай, я знаю, что притч у тебя в запасе, как карт у ушлого фокусника в рукаве.

– Я же рассказывала их уже тысячу раз... Все, что я знала, знаешь теперь и ты. Откуда же взяться новым?

– Ну же, Сара, я жду, – не обращая внимание на кокетство подруги, шутливо требовала Рахель. И, чуть понизив голос, добавила: – Пожалуйста.

– Ну, хорошо, хорошо, – рассмеялась Сара и посмотрела в сторону, как будто что-то пытаюсь вспомнить. – Есть у меня одна. Вот, слушай.

Она повернулась к подруге и начала говорить:

«Один человек пришел к мудрецу и начал уверять его, что не верит в Бога. Он был так устроен, что просто не мог поверить в Создателя, сотворившего Вселенную.

Мудрец не стал с ним спорить, но через некоторое время наведаясь к этому человеку с ответным визитом и принес с собой великолепную картину. Человек был изумлен. За всю свою жизнь он еще не видел более совершенного полотна.

– Какая изумительная живопись! – воскликнул он. – Скажите, мудрец, кто это написал? Кто автор?

– Эту картину никто не писал, – ответил мудрец. – На столе лежал чистый холст, а над ним висела полка с красками. Полка случайно опрокинулась, краски разлились на холст, и вот результат.

– Вы шутите! – рассмеялся человек. – Это попросту невозможно. Картина просто поразительна. Прекрасная работа, точные линии, изысканные сочетания оттенков. За всем этим великолепием чувствуется глубина замысла. Без автора здесь точно не могло обойтись!

Тогда мудрец улыбнулся и ответил:

– Вы не в состоянии поверить в то, что эта весьма скромная картина возникла сама по себе, без предварительного замысла создателя. И хотите, чтобы я поверил, что наш прекрасный мир со всеми его лесами и горами, океанами и долинами, времена года, волшебными закатами и лунными ночами возник по воле случая, без замысла Творца?

Человек не нашелся, что ответить. Ведь мудрец убедил его и заставил крепко задуматься».

– Сара... – еле слышно произнесла Рахель и обняла подругу. – Спасибо!

– Пора собираться обратно, – улыбнувшись в ответ, напомнила Сара. – Не хотелось бы заставлять пана Шиманского ждать, он и так слишком добр к нам.

– Да, идем, – с сожалением кивнула Рахель и спрыгнула со ствола засохшего дуба на землю.

– Ах, как же все-таки здесь красиво, – вздохнула Сара и напоследок оглянулась по сторонам.

Девочки, довольные прогулкой, не торопясь направились обратно к дороге. Где-то совсем рядом от них вдруг негромко закуковала кукушка. Прокуковав не то двенадцать, не то четырнадцать раз, она неожиданно смолкла, как будто кто-то, проходивший по лесу, ее неосторожно спугнул.

1922

На пустыре, за строившимся заводом, среди сваленных в беспорядке бетонных плит и металлических арматур, на деревянных ящиках сидели пятеро мальчишек и нетерпеливо поглядывали в сторону видневшейся неподалеку товарной станции. Со стороны станции время от времени доносились громкие звуки, сразу же после этого над ее территорией поднималось большое облако пыли, которое медленно расползлось над ровными рядами вагонов и, в конце концов, без следа исчезало в воздухе. За высоким ограждением день и ночь шла разгрузка железнодорожных составов, и работа там не останавливалась ни на минуту, немного затихая разве что в полдень, когда начинался обеденный перерыв. Но мальчишек сейчас интересовала не сама станция и не грохот, который неизменно слышался, когда в дне вагона открывался люк и его содержимое высыпалось на специально подготовленную для этих целей платформу. Все они, как один, поглядывали на то место в ограждении, где металлическая основа едва заметно отошла в сторону, образуя тем самым совсем небольшой лаз, которым, конечно, никак не смог бы воспользоваться взрослый человек, но в который вполне мог протиснуться десятилетний подросток.

– Ну, что они там так долго? – не выдержал худощавый мальчишка в кепке, которая была настолько ему велика, что постоянно сползала вниз и почти полностью закрывала уши.

– Сиди спокойно! – тут же отреагировал мальчик, который казался несколько старше всех остальных.

Он шутя потянул за козырек кепки худощавого, надвинув ее ему на глаза.

– Курт, в самом деле, чего они там возятся столько времени? – поддержали худощавого остальные, посмотрев на старшего товарища так, как будто и правда не сомневались, что он все знает и сейчас им все объяснит.

Но Курт только молча поглядывал в сторону станции, важно шурился на ярком весеннем солнце и старался ничем не выдавать своего волнения. Честно говоря, он и сам не понимал, почему двое их приятелей, которым по жребию выпало проникнуть сегодня на территорию станции, уже долгое время не возвращались.

Наконец, среди далеких песчаных насыпей мелькнули две знакомые маленькие фигурки. Перебежками и ползком, с опаской пригибаясь к самой земле, то и дело останавливаясь и оглядываясь, они медленно продвигались к заветному ограждению. Ожидавшие их ребята мигом вскочили с ящиков и, затаив дыхание, неотрывно наблюдали за смельчаками. Наконец, двое проникнувших на территорию станции доползли до лаза и по очереди протиснулись сквозь него, делая при этом неловкие отчаянные усилия и крепко прижимая руками к груди нижний край своих грязных рубашек.

– Ну, все! – не удержавшись, выдохнул худощавый мальчишка в кепке, когда их товарищи уже поднимались по насыпи, которая и отделяла всю мальчишескую компанию от станции и ее ограждений.

– Все, – кивнул Курт, по-прежнему оставаясь невозмутимым, и миролюбиво посмотрел на худощавого в кепке. – И нечего было так паниковать.

Тяжело дыша, двое мальчишек, в конце концов, добрались до своих товарищей, тут же обессиленно опустились на колени, и, разжав кулаки, высыпали все содержимое завернутых рубашек прямо на бетонную плиту, рядом с ящиками. Затем оба они легли на спину и, устремив взгляд в небо, отчаянно старались отдышаться.

– Что так долго-то? – спросил Курт.

– Так уж вышло, – все еще тяжело дыша, ответил один из мальчишек. – Сторожа стояли прямо перед горой этой дряни, не позволяя нам вылезти. Да и выйти незамеченными не так-то просто, на территории все как на ладони, это только отсюда кажется, что там никому ни до чего нет дела.

– Это не дрянь, – негромко произнес Курт, присев над двумя небольшими горками.

Он выбрал небольшой камешек серого цвета с самого верха одной из них, внимательно осмотрел его, поднес камешек к носу и осторожно вдохнул.

– Это не дрянь, – повторил он и, повернувшись, как-то странно посмотрел на остальных ребят.

Мальчишки молча смотрели на него в ответ. Они не торопились ни о чем расспрашивать и терпеливо ждали от Курта объяснений. Никто из них понятия не имел о том, что именно по его просьбе принесли с собой со станции двое их приятелей, и не понимали, почему это Курт так странно смотрит на них, как будто ожидая повода посмеяться над очередным их глупым вопросом.

– Это – карбид, – показав глазами на камешек в руке, наконец, коротко произнес Курт с таким видом, как будто это все объясняло.

Наступила пауза.

– Что, никто не знает, что такое карбид, и для чего он используется? – с деланным изумлением спросил он.

Ребята молчали. Они все еще не торопились восхищаться очередной идеей их старшего товарища и только переводили взгляд с маленького камешка в его руке на него самого и обратно, стараясь понять, к чему же он, все-таки, клонит.

– Карбид, – начал деловито разъяснять Курт, вспоминая абзацы из книги, которую прочел накануне, – используется для различных целей в химической промышленности, в том числе и для производства разного рода удобрений, а, также, для различных целей в производстве металлов. Основная его особенность – нейтральное состояние при пребывании на воздухе, что обеспечивает относительную легкость транспортировки и обращения. Фактически, если не брать во внимание его специфический запах, в таком состоянии карбид не представляет собой угрозы и может рассматриваться, как совершенно нейтральный груз для тех или иных нужд производства. Однако, в случае контакта с жидкостью, например, с водой, – и здесь Курт сделал короткую, но многозначительную паузу, – получается примерно следующее.

Он быстро осмотрелся вокруг, подыскивая остатки дождевой воды в небольших выемках бетонных плит, лежавших повсюду, но, не найдя ничего подходящего, в конце концов, просто аккуратно плюнул на камешек, немного отклонившись назад для страховки. После того, как его слюна попала на кусочек карбида, сначала не произошло ровным счетом ничего. Но, через несколько секунд, камешек в руке Курта как будто ожил, стал сильно пузыриться, шипеть, при этом обильно выделяя в воздух непрозрачный дымок белого цвета. От неожиданности Курт даже выронил камешек на плиту и с опаской сделал пару шагов назад, продолжая наблюдать за ним с большим интересом. Все остальные, раскрыв рты, тоже внимательно следили за происходившим, не решаясь подойти ближе. Побурлив так примерно минуту, камешек перестал пузыриться, вновь обретя свое безобидное с виду первоначальное состояние. Но было хорошо заметно, что он несколько уменьшился в размерах, слюна с его поверхности полностью испарилась, и, кроме того, все присутствующие вдруг ощутили весьма неприятный химический запах, оставшийся после произошедшего.

– Ничего себе! – разом выдохнули мальчишки, подойдя поближе и разглядывая удивительный камешек, безобидно лежавший на бетонной плите.

– А можно мне попробовать? – спросил худощавый в кепке, вопросительно посмотрев на Курта.

Курт, показывая, что не возражает, небрежно кивнул. Худощавый наклонился над камешком и, пустив на него слюну, быстро отпрянул назад. Вслед за ним поспешно ретировались и все остальные. Результат эксперимента полностью повторился. Камешек как будто ожил, пошипел некоторое время, выделяя в воздух белый дымок, и затих, уменьшившись в размерах еще ненамного. И только неприятный химический запах вокруг стал ощущаться теперь еще сильнее, чем прежде.

– Ну хорошо, а в чем тут все-таки фокус, Курт? – спросил один из мальчишек. – Как устроить теперь с этим что-нибудь интересное?

Все ребята недоуменно посмотрели на Курта, но он молчал, терпеливо ожидая, когда кто-то из них предложит свою идею.

– Да... – не дождавшись ничего вразумительного, наконец, разочарованно протянул Курт. – Ну ладно, вот вам подсказка. А что, если мы возьмем бутылку, нальем туда воды, бросим туда несколько этих камушков и затем плотно закупорим бутылку, чтобы выделяющийся газ не мог выйти наружу?

Мальчишки смотрели на него, как на гения. И каждый из них сейчас удивлялся: ну почему, вот скажите, ну почему такая простая и гениальная мысль не пришла в его голову секундой раньше, без помощи старшего товарища? Ведь, действительно, все очень просто. И, главное, очевидно.

– Подожди, Курт! – вдруг озадаченно произнес один из ребят. – Если мы будем кидать камешки по одному в бутылку, в которую уже налита вода, как мы успеем закупорить бутылку и отбежать до того, как она взорвется?

– Молодец, Эрвин! – усмехнувшись, похвалил задавшего вопрос Курт. – Умеешь думать своей головой.

Эрвин, польщенный похвалой, смущенно замолчал и украдкой посмотрел на остальных, как будто опасаясь, не будут ли они считать его выскочкой. Но остальным было не до этого. Все старались придумать, каким образом обеспечить самодельной бомбе необходимую задержку, гарантирующую безопасность ее молодым создателям. Тем временем Курт обошел насыпь, подобрал валявшуюся за ней грязную пустую бутылку, потом нашел неподалеку пробку, проверил, что пробка входит в горлышко достаточно плотно, затем, присев около небольшой лужи, набрал в бутылку воды и, наконец, вернулся к ребятам, которые обсуждали дальнейший план действий между собой.

– Ну что, конструкторы, придумали что-нибудь дельное? – спросил Курт, осматривая присутствовавших ребят.

Все молчали. Тогда Курт, довольно усмехнувшись, сорвал пучок травы, росший рядом с плитой, засунул его в бутылку и начал кидать внутрь один за другим кусочки карбида. Камешки застревали в траве, которая не давала им упасть в воду, и потому не проявляли пока никакой активности. Закончив, Курт плотно забил внутрь горлышка пробку и продемонстрировал уже закрытую бутылку друзьям, театрально удерживая ее двумя пальцами, как фокусник в цирке.

– Вот и все, – он смотрел на них с таким видом, с каким учитель часто смотрит на учеников, не выполнивших домашнее задание. – Готовы?

Не дожидаясь ответа, он сильно встряхнул бутылку, перемешивая тем самым ее содержимое. Камешки сразу забурлили, и внутри самодельной бомбы стал образовываться белый знакомый газ. Этот газ стал обволакивать стенки бутылки, быстро сделав ее изнутри полностью непрозрачной. Ребята бросились наутек. Сам Курт, торопливо поставив на плиту самодельную бомбу, тоже помчался, но только в другую сторону. Отбежав метров на тридцать, вся компания остановилась и стала с интересом наблюдать за развитием дальнейших событий. Через несколько секунд раздался сильный грохот, и бутылка разлетелась на множество мелких осколков, некоторые из которых упали недалеко от мальчишек. Вернувшись к месту импровизированного взрыва, молодые изобретатели принялись возбужденно обсуждать эксперимент и с большим интересом рассматривать место, где стояла бутылка.

– Давайте еще раз! – с восторгом предложил худощавый в кепке. – Только теперь поищем бутылку побольше, чтобы прогремело сильнее!

– Да, Курт, давай еще! – стали наперебой просить остальные, и их лица в эту минуту выражали небывалый азарт.

Но Курт не спешил с ответом. Он напряженно думал и, внимательно осматривая окрестности, торопливо прохаживался по плитам.

– Да что вы, в самом деле? – наконец, произнес он, вернувшись к мальчишкам. – Зачем снова повторять эту детскую чепуху? Ну посмотрели же один раз, неужели этого недостаточно?

– Почему? – недоуменно спросил Эрвин. – Это же здорово, грохотнет! Только надо, и правда, найти бутылку побольше. А что здесь такого?

– Да в том-то и дело, что ничего! – став вдруг очень серьезным, резко перебил его Курт и подошел к горкам из камешков, часть из которых уже успела перебраться в карманы ребят.

Присев, он взял несколько камешков в руку и покачал ею, как будто пытаюсь взвесить то, что лежало в его ладони.

– Кроме того, что газ, выделяемый карбидом, имеет свойство увеличиваться в объеме, он еще и великолепно горит, а в определенных условиях, – и тут Курт снова выдержал короткую паузу, – даже взрывается.

Мальчишки замерли, все как один, не веря в услышанное.

– Бочка! – вдруг изрек Курт, сосредоточенно потирая лоб. – Нужна старая железная бочка. Сможете найти?

– Около стройки стояли какие-то бочки, – переглянулись ребята.

– Ну так сбегайте, Эрвин, и посмотрите. Я тут кое-что придумал, если получится, будет гораздо интереснее бутылочной бомбы.

Эрвин с двумя друзьями, не теряя времени на разговоры, торопливо побежали в направлении стройки.

– А вы найдите мне старую железную банку, – продолжал отдавать распоряжения Курт оставшимся мальчишкам, – и длинную стальную проволоку. Чем длиннее, тем лучше.

Трое ребят послушно побежали в другую сторону, уже предвкушая ожидавшее их небывалое зрелище. Вскоре они вернулись обратно, волоча за собой длинный изогнутый металлический прут и ржавую банку, сбоку которой осталась не до конца оторванная крышка с рваными краями. Еще через несколько минут Эрвин с приятелями, тяжело дыша, прикатили откуда-то старую железную бочку.

– Ну, что же, пожалуй, начнем, – с важным видом произнес Курт, осмотрев придирчивым взглядом находки своих друзей.

Из лужи неподалеку он зачерпнул в железную банку воды и, сойдя с плиты, поставил ее на землю. Затем он достал из кармана складной перочинный нож и, сильно постукивая по нему осколком бетона, проделал в дне бочки – ровно посередине – небольшое отверстие. В банку Курт бросил несколько кусочков карбида. Затем, перевернув бочку вверх дном, он накрыл ею банку с карбидом и тщательно уплотнил места соприкосновения бочки с землей обычной дорожной грязью. Наконец, скovyрнув с одной из плит небольшой кусочек смолы, он залепил ею отверстие в дне перевернутой бочки. Довольный, Курт подошел к ребятам, при этом не без гордости отметив про себя, с каким восторгом и уважением они наблюдают за всеми его действиями.

– Через несколько минут карбид создаст внутри бочки давление, – объяснил он, чтобы им стало хоть немного понятнее. – Эрвин, когда я скажу, подойдешь к бочке и отлепишь смолу с отверстия, которое я в ней проделал. Потом убегай. И вы все, бегите подальше, смотреть отсюда будет небезопасно.

Мальчишки послушно отбежали метров на тридцать и стали с интересом наблюдать с безопасного, как им казалось, расстояния за тем, что происходило дальше. Курт примотал к концу длинного железного прута старую тряпку и, достав из кармана спички, поджег ее, старательно закрывая рукой пока еще слабый огонь от ветра.

– Давай, Эрвин! – выждав еще минуту, скомандовал он.

Эрвин медленно, явно с опаской подошел к бочке и осторожно отлепил кусочек смолы от отверстия.

– Беги, что стоишь? – крикнул ему Курт.

Эрвин бросился наутек, а Курт, терпеливо дождавшись, пока он добежит до ребят, медленно поднес горевшую на другом конце длинного прута тряпку к отверстию, стараясь, при этом, оставаться от бочки как можно дальше. Все, что случилось потом, было настолько быстрым и таким неожиданным, что Курт не успел даже по-настоящему испугаться. Как только прут с горевшей тряпкой на конце оказался над отверстием в бочке, раздался оглушительный взрыв. Бочка, чуть оторвав от земли один край, из-под которого показалось оранжевое пламя, на долю секунды застыла в таком положении, а потом вертикально устремилась в небо с пронзительным свистом. Взлетев вверх метров на двадцать, бочка начала замедлять движение и постепенно заваливаться набок. Пролетев еще метров пять-шесть, она на секунду как будто зависла в воздухе и затем со звуком, чем-то похожим на шипение пара, который вырывается откуда-то под высоким давлением, начала стремительно падать вниз. Курт, инстинктивно пригнувшись, бросился в сторону. Через несколько секунд он услышал позади себя сильный грохот, с которым бочка упала на бетонную плиту около места, где только что стоял он, и от удара развалилась на части. Стоявшие вдалеке мальчишки дружно взревели от восторга и наперегонки побежали к нему. Подбежав, они наперебой стали хлопать его по плечу, оглушительно кричали что-то в самое ухо и сильно трясли друг друга, пытаясь таким образом выразить нахлынувшее на них внезапное счастье. Курт, ощущая небольшой звон в ушах и громко бьющееся от возбуждения сердце, довольно смотрел на них и смеялся, на самом деле почувствовав себя гением.

– У тебя на щеке кровь, Курт! – вдруг озабоченно сказал Эрвин.

– Да царапина просто, – беззаботно ответил Курт, вытирая платком левую щеку с едва заметной возле самого рта родинкой, – видно, задело каким-нибудь камешком. Когда под бочкой гроыхнуло, я же даже не успел отвернуться.

– Ну, Курт, ты силен! Откуда ты про все это знаешь? – открыв от удивления рот, попытался худощавый мальчишка в кепке.

– Книжки для взрослых начинай читать, тогда и ты все знать будешь, – небрежно ответил Курт, складывая окровавленный платок вчетверо. – Посмотри, остановилась кровь или нет?

– Пока идет, – озабочено ответил худощавый. – Царапина глубокая. Приложи еще, да не вытирай, а просто приложи и поддержи немного.

– Может, еще что-нибудь устроим? – с надеждой спросил Эрвин. – Карбида еще много. А, если закончится, можно сбегать и набрать снова.

– Нет, хватит на сегодня, – ответил Курт, недовольно поморщившись. – Мне давно на учебу надо, я, по-моему, уже и так опоздал. Увидимся завтра!

Он попрощался со своими друзьями, которые смотрели на него, как на героя.

– До завтра, Курт! – ответили хором ребята с плохо скрываемым сожалением. – А что нам делать с карбидом?

– Заберите, да спрячьте, только в сухое место, – бросил в ответ Курт, уже уходя. – Потом придумаем еще что-нибудь.

В школу он опоздал. Идя по длинному узкому коридору, Курт представлял себе, как постучится в класс, что будет говорить в свое оправдание, и как будут смотреть на него со своих мест остальные ученики. Они, конечно, все разом сосредоточат внимание только на нем и на том факте, что кто-то, вопреки установленным школьным правилам, смеет не только опаздывать, но и заявляться в класс почти в середине урока. Но хуже всего было, конечно, не это. Хуже всего было то, что опаздывал он, как назло, на урок истории. А историю в его классе преподавала Хелен Штейнберг. Молодая высокая женщина с аккуратной прической и подчеркнута вежливыми манерами. Она, пожалуй, была единственным преподавателем в школе, перед которым Курт все время смущался, чувствовал себя безоружным и неизменно терял уверенность в своих силах. Фрау Штейнберг старалась вести себя одинаково со всеми вокруг, но Курту всегда казалось, что именно к нему она испытывает особую неприязнь, особенное, индивидуальное нерасположение. Она часто смотрела на него проницательным взглядом, и в уголках ее глаз Курт все время видел насмешку. Не дружелюбную, благосклонную улыбку, с которой часто разговаривают с учениками учителя, а именно самодовольную насмешку, призванную заставить его выглядеть перед ней и всем классом растерянным, подавленным и полностью беззащитным. Фрау Штейнберг как будто видела его насквозь, знала обо всех его мальчишеских тайнах, ей было известно обо всех его страхах, от настоящих, иной раз пугавших так сильно, что по спине пробегал неприятный ледяной холодок, до самых мимолетных и безобидных. Когда она, чуть склонив набок голову, внимательно смотрела на него сверху вниз, то, что бы в этот момент ни говорили ее губы, Курту всегда казалось, что глаза ее твердят только одно:

«Запомни, Курт, ты можешь изображать из себя что угодно и пытаться ввести в заблуждение кого угодно, но я, Хелен Штейнберг, вижу тебя насквозь. Ты слаб, а я, Хелен Штейнберг, намного сильнее тебя. Поэтому, о чем бы ты ни подумал, я всегда буду знать, о чем именно. Что бы ты вдруг ни сделал, я всегда буду знать, что именно. И тебе придется, рано или поздно, но все равно придется вести себя так, как я тебе прикажу. Можешь даже не пытаться бунтовать или противиться этому».

В такие минуты Курт собирал все свои силы и делал отчаянные попытки выдержать ее насмешливый взгляд. Но заканчивалось все это, обычно, одним и тем же: предательская слеза вдруг появлялась сначала в уголке одного его глаза, а затем и второго, и он, снова и снова попадая в это унижительное для себя положение, поспешно опускал голову вниз и отворачивался от класса в другую сторону, для того, чтобы скрыть от всех эту ненавистную влагу. И это всегда делало его еще более жалким и виноватым.

Курт подошел к двери, за полупрозрачным стеклом которой угадывались силуэты учеников, помедлил несколько секунд, пытаясь выровнять сбившееся дыхание, потом уверенно постучал и, как ни в чем не бывало, без приглашения вошел в класс. Все ученики, как по команде, оторвались от своих тетрадей и разом посмотрели на него. Фрау Штейнберг тоже повернулась в его сторону, затем, не торопясь, закончила фразу и положила книгу, по которой только что читала, на стол.

– Ну, что на этот раз, герр Шольц? – не приглашая его садиться, вежливо, с еле угадываемым сарказмом спросила она.

Курт промолчал, почувствовав, что уверенность, с которой он только что вошел в класс, мгновенно исчезла. Все ученики по-прежнему смотрели только на него одного, кто почти безразлично, кто с нескрываемым осуждением. Преподаватель тоже смотрела на Курта, смотрела спокойно и, как ему казалось, насмешливо. Она держала паузу, и Курт знал, что, если ей не ответить, то паузу эту, в лучшем случае, может прервать лишь громкий звонок перемены, а в худшем случае она может тянуться сколько угодно долго. Он почувствовал, как к горлу подступил неприятный ком, в глазах начало еле заметно щипать, а по спине пробежал тот самый ненавистный ему холодок, которого он в такие минуты все время ждал и боялся. Тем временем, фрау Штейнберг еле заметно театрально присела и, наклонив голову вбок, сделала попытку заглянуть ему в глаза снизу. Затем она так же театрально повернулась к классу и произнесла, вроде бы в сторону, но так, чтобы услышали все:

– Ну, и что же вы молчите, герр Шольц? Осчастливьте же нас ответом, что такого важного могло произойти утром, что вы снова опоздали на урок и стоите теперь в дверях одинешенек, да еще и так, как будто язык проглотили?

Она опять повернулась к Курту, подошла чуть поближе и, ловко поймав его взгляд, терпеливо ждала ответа. Поединок начался. И Курт мужественно боролся изо всех сил. Он привычно стискивал зубы, с силой сжимал кулаки, напрягал дрожавшие губы так, что они превратились в узкую тугую полоску. Он старался держать дыхание, силясь не дать разогнаться сердцу в груди, которое уже начинало стучать так громко, что, представлялось, еще немного, и его услышит вся школа. И, в какой-то момент, ему показалось, что победа уже близка, что в этот раз он, наперекор обстоятельствам, все-таки выдержал испытание, что еще чуть-чуть, и он сможет дать своему врагу спокойный и беззаботный ответ, но... В последнюю секунду Курт почувствовал, как пощипывание в глазах сменилось ощущением влаги. Еще секунда – и первая предательская слеза скопилась в уголке его глаза. За ней тут же пришла вторая, такая же, и так же подло, как первая, сумела собраться, сверкнуть во втором глазу. Все было кончено. Но в этот раз Курт почему-то стоял и не двигался с места. С одной стороны, ему нужно было срочно повернуться к доске, тем самым не давая классу разглядеть свои слезы. С другой стороны, в этот раз что-то противилось в нем привычному и унижительному финалу.

– Ты знаешь правила, Курт, – наконец, примирительно сказала фрау Штейнберг. – Сегодня и завтра после занятий ты останешься в классе и будешь в одиночку изучать весь пройденный в твое отсутствие материал, а потом я лично проверю, как ты справился с этим заданием.

И тут Курт снова сжал кулаки. Он решил, что в этот раз не станет стыдливо опускать голову. Может, раньше и опускал, а сейчас не станет. В этот раз он не будет отворачиваться от класса, безуспешно пытаясь скрыть от остальных свои слезы. Может, раньше он так и делал,

но не сегодня. В этот раз он не даст вежливой и ненавистной фрау Штейнберг издеваться над ним при всем классе и оставлять его после занятий, как какого-то первогодка. Да, раньше он подчинялся, но те времена прошли. Это унижительно, если хотите. Это несправедливо, если хотите. И это, если хотите, не ей решать, как и где ему проводить свое вечернее время. Да и не было таких правил в школе! Эти правила были собственной инициативой Хелен Штейнберг, которая, стремясь воздействовать на учеников таким методом, воплощала в жизнь свое собственное видение того, как должно выглядеть эффективное обучение. Курт поднял на нее заплаканные глаза, несколько раз еле заметно моргнул и произнес негромко, но так, чтобы услышали все:

– Перестань издеваться надо мной, сволочь. Я больше не намерен терпеть твои еврейские прихоти.

В классе тотчас воцарилась полная тишина. Даже те немногие, кто в этот момент что-то безразлично писали в своих тетрадях, отложили карандаши. Все, открыв рты, смотрели на Курта так, будто он сумасшедший.

– А ну, повтори, что ты сейчас сказал? – глубоко вдохнув и тщательно разделяя слова, медленно переспросила фрау Штейнберг.

И, хотя насмешка в ее карих глазах не исчезла, стало заметно, что лицо ее побледнело, а пальцы нервно сжали край стула, сжали так сильно, что кончики их стали похожи на мрамор.

– Ты прекрасно слышала, что я сказал, – дрожащим голосом выкрикнул Курт и, вытирая на ходу слезы, поспешно сбежал из класса.

Вечером того же дня Штефан Шольц сидел в кабинете директора школы и, стараясь оставаться спокойным, отчаянно пытался заполучить расположение этого человека. Шольц говорил о том, что мальчик еще слишком молод, чтобы в минуты волнения взвешивать свои слова перед тем, как их говорить. Директор молчал. Штефан, рассуждая о том, что в юности многие ведут себя неподобающим образом, старался объяснить, что не слишком-то справедливо перечеркивать всю прилежную в прошлом учебу подростка его единственным неблагоприятным поступком. Директор молчал. В какой-то момент Шольц даже сделал попытку все перевести в шутку, попросив директора на минуту поставить себя на место юного мальчика. Директор, с интересом изучая дорогой карандаш, все так же молчал, чем заставлял Шольца изрядно нервничать и все чаще промокать платком пот на напряженном лице. В конце концов, Штефан призвал собеседника более внимательно отнестись к произошедшему инциденту и посмотреть на него не столь однобоко, а с точки зрения обеих сторон, участвовавших в конфликте. Директор все больше хмурился и молчал, сосредоточено постукивая карандашом по журналу, лежавшему перед ним.

– Герр Шольц, – наконец, произнес он, отложив в сторону карандаш и аккуратно отодвинув журнал успеваемости к краю стола. – Давайте все проясним. Ваш сын в очередной раз опоздал на занятие, самовольно ворвался в класс прямо посреди объяснения важной темы, а потом, отказавшись объяснять причину своего опоздания, грубо оскорбил уважаемого всеми преподавателя, причем, в присутствии многих учеников.

Директор сделал паузу и внимательно посмотрел на Шольца.

– Курт уже почти взрослый и образованный человек, – продолжил он, – эта школа научила его всему, что он знает. И он посмел вести себя здесь таким образом и доказывать свою правоту таким способом?

– Он не понимает, – понизив тон и наклонившись чуть ближе к директору, произнес в ответ Шольц. – Он не понимает, как важно уметь находить с людьми общий язык, особенно с теми людьми, кто старше него и от которых многое в его жизни зависит. Он не понимает, как важно для него получить это образование, как важно не остаться безграмотным, пополнив многочисленные ряды тех, кто потом всю жизнь не может найти себе применения. Он не понимает, насколько сложно будет найти профессию, если не прикладывать усилия для этого уже в самом начале и если не переступить через свои сиюминутные слабости ради конкретной цели. Да, он не понимает пока слишком многого. Но я обещаю вам, – и Шольц наклонился к директору еще ближе, – я обещаю вам лично, что еще раз поговорю с ним. И недопониманию – конец.

– Герр Шольц, – сказал директор, подойдя к большому окну и внимательно наблюдая с высоты третьего этажа за выходящими из центрального входа преподавателями. – В прошлом году мы отчислили из школы троих учеников за неуспеваемость и неподобающее поведение во время занятий. В этом году за те же самые действия мы отчислили двоих в начале года и еще одного пару недель назад. Так объясните, почему я должен делать исключение для вас и вашего сына?

– Позвольте мне окончательно убедить вас в крайней важности этого шага для нас обоих, – ответил Штефан Шольц и с готовностью достал из внутреннего кармана плаща толстый кожаный кошелек.

1934

Мартовское утро выдалось пасмурным и холодным. Дождь лил, не переставая. Сара, изящно лавируя между теми, кто двигался ей навстречу, настойчиво продвигалась к вокзалу сквозь плотную людскую толпу. Она торопилась. Сильный порывистый ветер сбивал с ног, трепал полы плаща, и Сара была вынуждена свободной рукой все время придерживать, прижимать плащ к себе, не давая ему распахнуться.

– Осторожнее, пани, – недовольно буркнул в ее сторону седой невысокий мужчина, которого она случайно задела своим зонтом.

– Извините, извините ради Бога, я просто очень спешу, – сожалеющим тоном ответила ему Сара и попыталась закрыться рукой от ливня, больно хлестнувшего ее по лицу.

Наконец, она вышла к перрону. Быстро оглядевшись, Сара увидела ожидавший отправления поезд и множество горожан, деловито суетившихся рядом с ним. Рахель среди них не было. Сара быстро зашагала вдоль вереницы вагонов, постоянно оглядываясь и всматриваясь в незнакомые лица в надежде отыскать среди них подругу. В конце концов, она добралась до самого начала состава, но, так и не встретив Рахель, поспешно повернула обратно. Вокзальные часы показывали уже четверть десятого, до отправления поезда оставалось пятнадцать минут, и Сара, зная непунктуальность подруги, потихоньку начала беспокоиться. Машинист в кабине потянул за длинный рычаг, и откуда-то из-под днища паровоза под сильным давлением наружу вырвалась струя пара, издав при этом резкий шипящий звук. Сара, испуганно вздрогнув от неожиданности, недовольно покосилась на колеса длинной черной машины. В следующее мгновение она, снова повернувшись в сторону выхода на платформу, наконец, заметила Рахель, торопливо пробирающуюся вперед сквозь плотные ряды многочисленных провожавших.

– Рахель! – крикнула Сара и, подняв руку как можно выше, помахала подруге.

Та, заметив ее, улыбнулась в ответ и виновато пожала плечами. Сара, наблюдая, как Рахель продолжает пробираться к ней сквозь толпу, лишь укоризненно покачала головой.

– Не верю своим глазам, ты снова опаздываешь, – сказала она, когда подруга подошла ближе. – Это же твой отъезд, Рахель, мы же...

Сара осеклась, мельком взглянув на ее заплаканное лицо. Рахель поставила чемодан на платформу и устало прикрыла глаза ладонью.

– Что случилось? – встревоженно спросила Сара, сменив тон с того, каким обычно говорят взрослые, отчитывая за проступок маленького ребенка, на обычный.

– Айзек... – из глаз Рахель вдруг потекли слезы, и она попыталась стыдливо промокнуть их платком. – Мы с ним... Мы с ним поругались перед самым отъездом... Я не могу в это поверить... Представляешь, перед самым отъездом...

– Иди ко мне, – вздохнула Сара и сочувственно прижала подругу к себе.

– Вчера ночью я, наконец, решилась рассказать ему о том, что уезжаю, а он... – Рахель всхлипнула, уткнувшись в плечо подруги.

– Так ты что, до сих пор ему не ничего говорила? – Сара отстранилась и посмотрела на подругу во все глаза.

– Нет... Я не могла, я боялась, что он не поймет. Все откладывала этот разговор, не хотела выяснений, разбирательств, и вот... – Рахель не выдержала и разрыдалась.

– И что было дальше? Что он тебе ответил?

– Он... В том-то и дело, что ничего. Он бросил кольцо на стол и молча ушел. Понимаешь, просто ушел... Я думаю, он...

Рахель не могла говорить. Она прятала от окружающих лицо и тщетно пыталась справиться с нахлынувшими на нее чувствами.

– Так. Успокойся, Рахель. Успокойся, ну? Посмотри на меня. Посмотри на меня, слышишь? – Сара несильно трясла подругу за плечи и ловила ее взгляд, пытаясь утешить.

– Я сглупила, я так сильно сглупила... – Рахель шумно выдохнула и посмотрела на нее заплаканными слезами. – Сара, я так запуталась...

– Ну перестань, перестань. Все! Все, слышишь? – Сара вытерла слезы со щек девушки и, скорчив шутливую рожицу, тут же улыбнулась ей светлой дружелюбной улыбкой. – Все образуется, вот увидишь. Все будет хорошо.

Рахель не удержалась и улыбнулась в ответ.

– Ты вся промокла, – с сожалением сказала она, спохватившись.

– То ли от дождя, то ли от твоих слез, – грустно пошутила Сара и легким движением руки поправила Рахель темные волосы, как всегда небрежно спадавшие на ее плечи.

Рахель в последний раз промокнула платком самые краешки глаз. Потом она встряхнулась и выпрямилась, как будто сбросив с себя невидимый груз, долгое время давивший на ее плечи. Посмотрев на Сару, Рахель попыталась улыбнуться, но улыбки не получилось, и она только снова виновато пожала плечами.

– А ведь, выходит, что мы расстаемся, Рахель, – тихо произнесла Сара, перестав улыбаться и с грустью посмотрев в заплаканные глаза подруги. – Что-то как будто скребет на душе... Не знаю, такое чувство... Что...

– Ну, что ты, Сара, ну перестань, все будет хорошо. Ты же сама мне всегда говорила.

– Знаю, знаю... Но, все равно что-то тоскливо очень... Вот здесь, – Сара приложила кончики пальцев к своей груди и обеспокоенно потерла ими напротив сердца.

– Ну все, я сейчас снова расплачусь, – Рахель отвернулась в сторону и быстро-быстро заморгала, безуспешно пытаясь прогнать слезы.

– Ты только пиши мне, ладно? – прошептала Сара, подойдя вплотную к подруге.

Она нежно положила руку Рахель на плечо и снова заглянула в ее глаза долгим встревоженным взглядом.

– Напишу, обязательно напишу по приезде, – пообещала Рахель и в ответ нежно обняла Сару за плечи.

Они помолчали.

– Сара... – негромко позвала вдруг Рахель и выжидающе посмотрела на подругу.

– Что?

Рахель не ответила. Она продолжала смотреть на нее выжидающе, даже слегка капризно, как будто требуя чего-то давно обещанного.

– Ну, что? Что? – Сара на мгновение отвела взгляд и снова посмотрела на Рахель с таким видом, как будто все никак не могла догадаться, о чем идет речь.

– Поезд скоро уйдет, – спокойно улыбнулась Рахель. – Перестань кокетничать. Прошу тебя.

– Да ты же уже все их знаешь, – в шутку взмолилась Сара, но, услышав, как клапаны паровоза снова выпустили струю густого пара из-под колес, сдалась.

Улыбнувшись, она начала говорить:

«Шли по пустыне два друга. Путь их был долгим, трудным, и оба они очень сильно устали. В какой-то момент друзья о чем-то сильно поспорили, и один из них ударил другого по щеке. Тому, кого первый ударил, стало очень обидно и больно, но он ничего не ответил, а написал на песке: «Сегодня мой друг дал мне пощечину».

Они продолжили путь и через некоторое время снова сильно поспорили. Тот, что недавно дал другу пощечину, теперь назвал его дураком. Его другу снова стало очень обидно, но он снова ничего не сказал в ответ, а только написал на песке: «Сегодня мой друг назвал меня дураком».

Друзья шли дальше. В конце концов, им повезло, они нашли оазис и, изнуренные солнцем, решили искупаться. Тот, который недавно получил от друга пощечину, едва не утонул, но друг спас его. Придя в себя, он написал на камне: «Сегодня мой друг спас мою жизнь».

Тот, что дал другу пощечину, назвал дураком, а потом спас ему жизнь, спросил:

– Когда я тебя обижал, ты писал на песке, а теперь ты пишешь на камне. Почему?

Его друг ответил:

– Когда кто-то нас обижает, мы и должны написать об этом на песке, чтобы ветер мог скоро стереть это. Но, когда кто-то делает нам что-то хорошее, мы должны выгравировать это на камне, чтобы ни ветер, ни что-то другое не смогло заставить надпись исчезнуть».

Сара вдруг замолчала.

– Научитесь писать обо всех своих обидах на песке и возьмите за правило гравировать радости на камне, – закончила она после небольшой паузы.

– Чудесная притча, Сара, – благодарно обняла подругу Рахель. – Я такой еще не слышала. И все поняла. Спасибо тебе.

Неожиданно паровоз издал два пронзительных гудка. Один короткий и второй чуть длиннее. Люди на перроне еще больше засуетились. Провожавшие начали прощаться с теми, кто уезжал. А те, кто уезжал, оглядываясь и все еще пытаясь что-то сказать на ходу, стали не спеша заходить в вагоны.

– Ну вот и все, счастливо тебе, – Сара замолчала и отвела взгляд в сторону. Через мгновение она снова нежно посмотрела на Рахель. – Не забывай меня, пожалуйста. Ты моя самая близкая подруга, помнишь?

Девушки обнялись. Рахель, не в силах сдерживать слезы, снова расплакалась и едва заметно коснулась губами щеки Сары.

– Я напишу, – прошептала она и, подхватив тяжелый чемодан, быстро зашла в вагон.

Поезд медленно тронулся еще до того, как Рахель успела пройти к своему месту. Сара, стараясь не толкать провожавших, не торопясь шла за ним по перрону, а длинный состав неумолимо набирал ход. В какой-то момент она увидела, как Рахель, добравшись до места, прильнула к окну и стала глазами искать ее на платформе. Сара помахала подруге рукой, а потом грустно, натянуто улыбнулась. Рахель, заметив ее в толпе, улыбнулась в ответ. Она положила открытую ладонь на стекло и что-то беззвучно шептала, наклоняясь по ходу движения поезда все больше и больше. И вот вагон, все сильнее увлекаемый паровозом вперед, миновал край платформы. Удаляясь от вокзала все дальше, он постепенно начал сливаться с другими вагонами, шедшими впереди и позади него, а потом, наконец, окончательно скрылся из виду. Сара, немного постояв на перроне, еще раз с грустью помахала рукою вслед уходившему поезду, затем повернулась и не спеша направилась к выходу.

Прошло три с половиной недели. И вот, однажды утром, Сара подошла к почтовому ящику, привычно подняла его крышку и, увидев на дне белый почтовый конверт, от неожиданности радостно вскрикнула. С обеих сторон конверт был проштампован неразборчивыми печатями. На лицевой его стороне были наклеены несколько фиолетовых марок, с изображением красивой женщины в профиль в миниатюрной короне. Все марки были педантично погашены четкими круглыми оттисками. Но, самое главное, в самом низу конверта ровным, таким знакомым ей почерком, был аккуратно выведен ее адрес, и тем же почерком в самом верху

был аккуратно написан адрес обратный. Сара, не помня себя от радости, бросилась к дому. Уединившись в своей комнате, она досчитала до десяти, потом аккуратно вскрыла конверт и достала оттуда хрустящий лист желтоватой бумаги, исписанный ровными, как будто вымеренными по линейке строчками.

«Дорогая Сара!

Прости, что не писала так долго. Глупо пытаться все объяснить, но ты даже не можешь себе представить, сколько дел на меня навалилось сразу же по приезде. К счастью, теперь уже все позади. Теперь свободного времени у меня будет много, и я надеюсь, что начиная с этого момента на страницах писем мы будем с тобой видеться чаще.

Первое, о чем хочу сообщить – Гронинген буквально поразил меня своей красотой. Мне кажется, что сейчас я вижу на твоём лице легкую скептическую улыбку. Милая Сара, конечно, наш с тобой Люблин безумно прекрасен и сравнивать с ним что-то другое, думаю, будет просто нелепым, но, поверь, Гронинген по-своему тоже очень хорош. Здесь нет совершенно никакой суеты. А доброжелательность и приветливость его обитателей очаровывают с первых же мгновений. Не знаю, стоит ли мечтать о том, что, когда-нибудь, я смогу показать тебе все эти чудесные места; смогу полюбоваться вместе с тобой здешней архитектурой и отправиться в небольшое путешествие по водным каналам, огибающим и пересекающим эти миниатюрные улочки во всех направлениях. Поверь, здесь необыкновенно красиво!

Нидерландский язык мне кажется невероятно сложным. Дается он трудно, и мне приходится прикладывать уйму усилий для того, чтобы в нем разобраться. Прошел почти месяц с тех пор, как я здесь, а я до сих пор уверенно понимаю на нем лишь пару десятков слов. Но тетушка постоянно настаивает на скором его изучении и каждый день объясняет мне то, как нужно правильно облекать свои мысли в слова, а из слов складывать предложения. Кстати, тебе от нее привет.

Я познакомилась здесь с одним соседским пареньком. Его имя Мозес. Он странный, можно даже сказать, чудной. Но – добрый. И невероятно галантный. Мозес провел меня по окрестностям и просто горит желанием взять меня с собой порыбачить. Многое из того, что он говорит, мне пока непонятно. Но как забавно пытаться что-то объяснить человеку, который не знает твоего языка. И как забавно самой пытаться понять слова, которые он произносит тебе в ответ.

Айзеку я не писала ни строчки. Он тоже не пишет мне. Сара, мне кажется, что нашим с ним отношениям уже наступил конец. Не может же быть такого, что ты все так же дорога человеку, но он, при этом, не делает даже попыток с тобою связаться? Ты можешь сказать, что сама я ничем не лучше, и, должна признать, ты права. Знаешь, в какой-то момент понимаешь, что между тобой и тем, кого ты так сильно любила, возникла невидимая стена. И с каждым следующим днем эта стена становится выше и крепче. Сначала возможность ее разрушить еще существует, нужно лишь сделать шаг. Но, если вовремя этого шага не сделать, вернуть то, что было, становится все труднее. В конце концов, во всем мы привыкаем винить друг друга. Нам кажется, что бремя ответственности лежит на других плечах. Но все это вздор, отговорки. На самом деле, в итоге, мы оба остались ни с чем.

Как ты живешь? Как время проводишь? Все ли в порядке дома? Ты напиши о себе подробно. Мне все это важно знать. Сара, а помнишь, тогда, на вокзале?.. Мне показалось, что

между нами возникла какая-то недосказанность. И было что-то, чего нельзя передать словами, но, вероятно, возможно сказать в письме?

Ты не молчи и не сердись, что я так долго молчала. Я помню все, что ты говорила. И обещаю впредь не заставлять тебя волноваться.

Знаешь, я никогда никому еще не писала писем. Так получилось, что первой я написала тебе. И это так волнительно для меня. Настолько необычно и важно.

Надеюсь, конечно, на твой скорый ответ.

С любовью, твоя подруга Рахель.»

Ранним апрельским утром Рахель вошла на кухню и быстрым взглядом окинула стол, на котором аккуратными горками были разложены хлеб, зелень и мытые овощи.

– Тебе помочь, тетя? – по-польски спросила она, отщипнув кусочек от свежей лепешки и украдкой положив его себе в рот.

Спокойная высокая женщина даже не обернулась и продолжала быстрыми уверенными движениями резать морковь на деревянной дощечке с помощью широкого кухонного ножа.

– Помогать мне не нужно, я прекрасно справляюсь сама, – ответила она на нидерландском и, проведя по дощечке ножом от края до края, смахнула морковь в тарелку. – Ты лучше иди к себе в комнату и прочитай его, наконец.

– Что я должна прочитать? – удивившись, перешла на нидерландский Рахель.

Она почему-то подумала, что неверно истолковала смысл услышанной фразы.

– Кстати, отщипывать от хлеба не нужно, ты можешь взять нож и отрезать себе столько, сколько захочешь, – медленно выговаривая слова, повторила женщина на нидерландском и, положив на дощечку зеленый пучок, умело и быстро прошла по нему ножом.

– Так что я должна прочесть, тетя? – пропустив последнюю фразу мимо ушей, повторила Рахель.

– Письмо, – невозмутимо ответила женщина.

– Письмо? Какое письмо? – от волнения перейдя на польский, быстро переспросила девушка.

Женщина на миг обернулась и бросила на Рахель многозначительный строгий взгляд, не удостоив ее ответом.

– Какое письмо? От кого? – еле сдерживая волнение, послушно перешла на нидерландский Рахель.

– Обычное письмо, оно дожидается тебя на комодe все утро, – удовлетворенно кивнув, с улыбкой ответила женщина. – Внутри я, разумеется, не смотрела, но на конверте...

Рахель не дослушала. Бросившись к комоду, она так торопилась, что даже ударилась локтем о ручку двери.

На комодe, опираясь одной стороной на шкатулку для ниток, и правда, стоял чуть помятый почтовый конверт. Рахель взяла его в руки, взглянула на почерк, и ее лицо буквально засветилось от радости. Спустя мгновение, она уже была в своей комнате. Упав на кровать, Рахель торопливо вскрыла конверт, дрожащими руками достала письмо и, торопясь, пробежала глазами по строчкам.

«Рахель, милая, здравствуй!

Твое непродолжительно молчание никогда бы не стало поводом для того, чтобы мне на тебя рассердиться. И ты это знаешь. Я все понимаю, переезд – это ответственный шаг, и во время него дел обычно невпроворот. Хотя я, конечно, скучала. Да что говорить, я и сейчас по тебе скучаю несколько не меньше.

Я часто думала о нашем с тобой прощании. Да, ты права, не все можно сказать на словах. Да и времени, если ты помнишь, было немного. И, все же, я бы хотела оставить это, как есть. Ты знаешь, когда ты рядом со мной, я вижу каждый оттенок твоего взгляда, я слышу каждую нотку твоего голоса, я даже как будто чувствую твои мысли и, как мне кажется, всегда смогу ответить взаимностью. Понять друг друга немаловажно, и ты, как никто другой, я думаю, это знаешь, но письма... Рахель, ведь в письмах есть риск упустить нечто ценное и дорогое, я просто боюсь, что оно затеряется среди всех этих букв, так и оставшись непрожитым, незавершенным.

Я, также, думала о ваших с Айзеком встречах. Вы взрослые люди, и вам, безусловно, решать самим, но, мне бы хотелось, чтоб ты была счастлива и, все же, поменьше страдала. В противном случае, не стоит обманывать себя и других, согласна? Ты знаешь, Рахель, я давно поняла, что важность событий непостоянна. Она преходящая, как времена года или война. О том, над чем ты так горько плачешь сегодня, завтра ты можешь даже не вспомнить. И то, что в данный момент заставляет тебя страдать, вполне возможно уйдет, растворится, исчезнет с течением времени. Конечно, при этом, нельзя недооценивать опыт. Но опыт... Ведь опыт – это уже итог. А боль?.. А боль, ведь она в настоящем.

Ты спрашиваешь, как мы живем? Ты знаешь, без изменений. Я, как и раньше, работаю в книжной лавке. Изо дня в день. Из месяца в месяц. Часть жалованья отдаю отцу. А часть собираю в копилку. Возможно, ты спросишь – зачем? Да я и сама не знаю. Недавно я задавалась целью побольше узнать о местах, где ты теперь обитаешь. Хозяин лавки помог мне найти альбом о Нидерландах, и я, листая его целый вечер, подолгу рассматривала рисунки домов и улиц. Ну, что тут скажешь, у вас там безумно красиво. И так удивительно видеть, что в мире есть целые города, которые так не похожи на Люблин. Скажи, ты все еще помнишь, где родилась? (смеюсь, я просто смеюсь, Рахель)

Заканчиваю на этом. У нас уже ночь, а завтра идти на работу. Ты напиши, что слышно с твоей учебой? Пиши о себе, о городе, пиши что угодно, ладно? Я буду ждать весточки. И буду

ужасно скучать. Ты даже не представляешь, как важно, чтобы ты не терялась. Ты самая близкая мне подруга, Рахель. Скажи, ты не забыла об этом?

С любовью и нежностью, твоя навсегда, Сара».

1932

Приспособление, напоминавшее платформу на колесах, с шумом отъехало назад и через секунду-две вернулось, неся в восьми продолговатых ячейках восемь пустых стеклянных бутылок. Через мгновение сложный механизм привел в движение металлическую планку с восемью технологическими выступами и она осторожно столкнула эти восемь бутылок в стоявший рядом поддон. Тут же восемь ячеек на дне поддона пришли в вертикальное движение и аккуратно поставили упавшую в них тару на площадку, расположенную вплотную к нему. Эта партия тары мягко подвинула предыдущую партию из точно таких же восьми бутылок на двигавшийся конвейер, расположенный сбоку от самой площадки. Конвейер переместил бутылки к конечной точке – узкой колее перед невысокой ступенькой, продвигаясь по которой, бутылки попадали под большой вращавшийся барабан с тридцатью двумя длинными тонкими трубками. Барабан, периодически проходя точно отмеренное расстояние, размещал каждую из трубок так, чтобы она находилась строго над очередной бутылкой. Затем трубка опускалась, и в бутылку наливалась порция свежего молока. Далее бутылка с молоком перемещалась по ходу движения барабана к следующему приспособлению, которое закрывало ее герметичной крышкой.

Весь этот сложный, на первый взгляд, механизм работал настолько слаженно и четко, что со стороны присутствие человека здесь могло показаться делом совершенно необязательным. Тем не менее, была одна загвоздка, которая, несмотря на всю кажущуюся продуманность этой части производства, требовала рядом с собой постоянного людского присутствия. Те бутылки, что подталкивались на двигавшийся конвейер очередной партией стеклянной посуды, не всегда подходили к ступеньке перед барабаном по одной в ряд, как того требовала конструкция. И, когда такое случалось, несколько бутылок создавали небольшой затор, смешно толкаясь перед узкой колеей, ведущей к барабану, и чем-то напоминая очередь из уставших людей в дверях какого-нибудь маленького магазина. В такие моменты стоявший рядом Курт Шольц ловко выравнивал посуду с помощью особым образом изогнутого металлического прута, давая возможность ей быстрее пройти к ступеньке, а потом и к самому барабану. Работа была монотонной, неинтересной, и Курт, изо дня в день разбираясь с заторами из бутылок, откровенно скучал.

– Здравствуйте, Шольц, – раздался за спиной громкий голос Юлиуса Гольдманна.

Шум здесь был достаточно сильным, и потому Гольдманн при разговоре вынужден был почти кричать. Курт повернулся и, нахмурившись, через силу кивнул. Гольдманн был управляющим цехом, имел почти неограниченную власть над всеми, кто в нем работал, и периодически пользовался своей властью самодовольно и беспощадно. За что и был здесь нелюбим многими, что, впрочем, его самого совершенно не волновало.

– У вас в этом месяце целых четыре серьезных опоздания, – Гольдманн деловито водил карандашом по разлинеенному листу бумаги, аккуратно подколотому к большой черной папке. – И один раз вы на сорок минут раньше ушли со смены. Я буду сегодня подавать эти сведения в бухгалтерию, так что можете быть готовым к тому, что подобная ваша самодельность отразится на вашей оплате.

– У меня были на то причины, – начал виновато объяснять Курт, наклонившись к управляющему. – Я имел договоренность со старшим бригадиром и...

– Детали меня не интересуют, Шольц, – Гольдманн с апломбом смотрел на него снизу вверх, и было такое впечатление, что управляющий цехом явно наслаждался моментом. – Позвольте вам напомнить, что это производство, а не кукольный театр. Вы нарушили дисциплину, так извольте понести за это ответственность. Всего вам доброго, Шольц.

Гольдманн повернулся и, сделав в своем листке какие-то отметки, стал пробираться дальше по цеху. Курт со злостью смотрел ему вслед и размышлял о том, что могло бы случиться, решишь он высказать этому коротышке все, что о нем думает. Спустя полминуты, Шольц снова повернулся к конвейеру и принялся быстро расталкивать прутом образовавшийся затор из бутылок.

«Что-то, все-таки, есть в этом не совсем правильное, вернее, совсем неправильное, – подумал Курт, когда бутылки, наконец, пошли к барабану ровной шеренгой. – Здесь, в Берлине, в самом сердце Германии по какой-то непонятной причине коренным немцам постоянно приходится сталкиваться с унижениями, выслушивать нравоучения, и от кого? От приезжих, которые каким-то образом смогли заполучить должности и пробиться наверх намного быстрее всех остальных. От приезжих, которые в той или иной сфере неизменно оказываются намного более удачливыми, чем сами немцы. От Гольдманна вот страдает весь цех, ну или, по крайней мере, большая его часть. Работники между собой каждый день вполголоса ругают его в раздевалке после трудовой смены, но при нем ведут себя либо заискивающе, либо наигранно равнодушно, либо, вообще, стараются лишний раз не показываться Гольдманну на глаза. Но, как подобное, вообще, могло получиться? И, что еще важнее, как такое могло получиться с немцами? И не где-то в другой стране, далекой отсюда, а прямо здесь, в этом немецком городе, на этом немецком заводе?»

Сирена известила всех об окончании рабочего дня. Курт подождал, пока барабан освободит последнюю партию бутылок, потом подошел к большому металлическому щиту и потянул за тугой рубильник. Машина, без устали проработавшая весь день, послушно остановилась и, коротко скрипнув, смолкла. Из разных концов цеха стали раздаваться одобрительные возгласы, веселые голоса и шутки. Работники дружно останавливали производство и собирались отправляться домой. Добравшись до раздевалки, Шольц вымыл руки, не спеша переоделся и, попрощавшись с остальными, через несколько длинных коридоров вышел к воротам фабрики. Вечер был теплым, и он решил прогуляться по городу, отдохнуть от шума и духоты цеха, а заодно купить по пути к дому своих любимых папирос и хлеба на вечер.

Жизнь вечернего Берлина всегда казалась Курту суетливой и равнодушной. Куда-то спешили газетчики с вечно озабоченными лицами. Быстро проходили навстречу молодые женщины, все, как одна в одинаковых шляпках с узкими полями, край которых был зачем-то опущен вниз. По пути встречались статные дородные мужчины, которые неизменно размышляли о чем-то своем и – у Курта всегда возникало такое чувство – умышленно не замечали вокруг себя никого, подчеркивая тем самым собственную значимость. Куда-то неслись юркие трамваи, водители которых на перекрестках постоянно дергали небольшие колокола, от чего те издавали громкий, раздражающий звон. Высокие регулировщики на перекрестках неумолимо, с энтузиазмом, снова и снова повторяли свои замысловатые жесты, и, казалось, уже давно сами стали частью этих перекрестков, как фонарные столбы или дорожные указатели. Из останавливавшихся у самого тротуара автомобилей, на кузове которых посередине была нарисована широкая полоса с чередующимися черными и белыми квадратами, быстро выходили наружу молодые мужчины с широкими элегантными улыбками. Затем они, чуть наклонив голову и еле

заметно присев, галантно открывали заднюю дверь, и из машин выпархивали молодые красивые женщины, тихо смеющиеся и что-то извечно щебечущие. Потом эти пары, прижимаясь друг к другу и что-то украдкой сунув швейцару в руку, исчезали в дверях дорожных ресторанов, кафе или магазинов одежды.

Недалеко от вокзала на Фридрихштрассе, в небольшом скверике Курт увидел толпу зевак. В самом центре этого сбирища с небольшого возвышения что-то очень эмоционально говорил человек в светлой кепке. Он что есть силы махал руками, время от времени резко указывал на кого-то в толпе и все время крутился вокруг себя, стараясь, чтоб его голос слышали все остальные. Наконец, решительно вскинув ладонь наверх, оратор с силой рассек ею воздух, быстро взглянул на стоявших рядом людей и стал торопливо пробираться к краю столпотворения. Как только человек оказался внизу, к нему сразу же подскочили четверо полицейских и, взяв его под руки, без лишних разговоров повели прочь.

Проходя через узкое ограждение, расположенное вдоль здания вокзала, Курт заметил впереди себя человека в черном костюме и с длинной окладистой бородой. Проход был действительно узким, вокруг двигались люди, и мужчине никак не получалось обогнать, хотя шел он явно медленней Шольца. Улучив момент, Курт предпринял попытку обойти человека, но тот, как будто специально, не дал ему этого сделать, ускорив свои шаги и несколько сдвинувшись в сторону. Спустя какое-то время Шольц сделал вторую попытку обойти человека, но все повторилось снова – мужчина, заметив его, пошел чуть быстрее, как будто специально не пропуская Курта вперед. Тогда раздосадованный Шольц отстал от мужчины примерно метра на два и стал постоянно держаться рядом на таком расстоянии. Человек замедлял шаг – замедлял шаг и Курт. Человек пытался идти быстрее – то же самое делал и Курт. Человек почти останавливался, делая вид, что пытается рассмотреть афишу, в ответ Курт тоже стоял и ждал, пока упорный спутник снова продолжит путь. В конце концов, мужчина не выдержал, остановился, и пропустил Шольца вперед, проводив его мимо себя осторожным взглядом. Курт же, победно взглянув на него в ответ, продефилировал мимо, ничуть не скрывая своего удовольствия.

Дойдя до пересечения Фридрихштрассе с Унтер-ден-Линден, Шольц пересек проезжую часть, терпеливо пропустив двигавшийся навстречу автобус. Остановившись возле газетной лавки, он сделал вид, что в раздумьях выбирает газету и стал украдкой рассматривать в стекле свое отражение. Худощавый, голубоглазый, подтянутый, спортивного типа шатен в поношенном пиджаке и с вызывающим, несколько гордым взглядом смотрел на него со стеклянной витрины, немного мутной от пыли. Что он делает целыми днями на этой молочной фабрике? Неужели работа на фабрике – это то, чего он хотел, играя мальчишкой с восковыми фигурками, одетыми в форму военных и полицейских? Неужели работа на фабрике – это то, о чем он мечтал, слушая в школе преподавателя по военному делу и ловя его одобрителный взгляд во время занятий?

Позади Шольца, стуча каблуками, строем прошли десятка четыре солдат. Все, как один с волевыми лицами, в одинаковых касках, в одинаковых мундирах с блестящими крупными пуговицами и затянутыми кожаными ремнями. У каждого была на плече винтовка, смотревшая дулом вверх и деревянным прикладом вниз. Все они при ходьбе правой рукой давали небольшую отмашку, а левой крепко держали приклады, так крепко, как будто дорожили оружием больше всего на свете. Горожане, уступая дорогу солдатам, подолгу смотрели им вслед – кто восторженно, кто презрительно, а кто с любопытством. Шольц смотрел на солдат с плохо скрываемой завистью, думая в этот момент о том, как бы он сам смотрелся в этом строю, в точно такой же форме и с точно таким же оружием.

На другой стороне Унтер-ден-Линден на первом и втором этажах красивого четырехэтажного здания располагалось кафе «Кениг». Прямо над тротуаром был закреплен навес, служивший своеобразной крышей и позволявший посетителям этого заведения коротать время за чашкой кофе прямо на улице. Чуть выше, на втором этаже, рядом с вывеской виднелся длинный балкон. Он был засажен цветами и тоже закрыт от дождя и солнца навесом. Курт перешел дорогу и, пройдя мимо столиков, за которыми сидели уставшие от дневной суеты горожане, остановился чуть дальше от них, возле рекламной колонны. Он принялся изучать приклеенные на колонну афиши, которые притягивали взгляд броскими надписями и заголовками. Мимо Курта проезжали автомобили, монотонно урча выхлопными трубами. Люди куда-то спешили после рабочего дня, нетерпеливо останавливаясь на краю тротуара и выжидая момент для того, чтобы быстро перейти на другую сторону улицы. Из кафе доносился звон бокалов и ложек, когда кельнеры в белоснежных рубашках подносили заказ посетителям и вежливо интересовались при этом, не желают ли гости чего-то еще. И вот, сквозь весь этот уличный шум, до Курта донесся голос, очевидно, звучавший по радио, которое громко работало то ли где-то внутри самого кафе, то ли где-то возле стойки для кельнеров.

– Соратники немцы! Наш народ проявляет сознание и поднимается! – слышалось из динамика. – Этот подъем демонстрирует, что сегодня миллионы людей начинают понимать, что в грядущих выборах решается нечто большее, чем просто создание очередной коалиции, и даже больше, чем выбор нового руководства! Ибо выбор, который стоит перед нами сегодня: это благополучие или окончательный крах. Вот два основных пути, которые лежат перед Германией. Один из них преобладал шестьдесят или семьдесят лет и показал, на что он способен и на что нет. Он заключался в восстановлении в соответствии с международными стандартами, независимо от его осуществления буржуазией или же марксистскими партиями. Другой путь намеренно сосредоточился на силе и резервах, заключенных в нас самих, в объединенной Германии, в самом прямом смысле этого слова! Без классов, общественных слоев или религиозных различий. В течение тринадцати лет у этой единой Германии было правительство. Так давайте сравним предвыборную пропаганду этой Германии с ее делами и достижениями. Сколько врагов сегодня призывают в свидетели различные слои германского общества? Разве крестьяне, разве рабочие, ремесленники, разве средний класс, да все экономическое сообщество марширует вместе с ними в качестве живого свидетельства их деятельности? Нет! Вместо этого они предпочитают не распространяться об этих прошедших тринадцати годах, а обратить всю предвыборную кампанию на критику последних шести недель, за которые, по их словам, несут ответственность национал-социалисты.

Курт поймал себя на мысли, что уже не смотрит на яркие афиши, а стоит и слушает этот уверенный в себе жесткий и хриплый голос, доносившийся непонятно откуда. Он сунул руки в карманы, повернулся вполборота и, устремив взгляд на большое окно напротив, стал со все большим вниманием слушать невидимого оратора.

– Как это стало возможным? – искренне удивлялся голос в приемнике. – Мы не произносили слова «ждите». Это сделал Рейхспрезидент! Да, именно социал-демократы, эта центристская партия, которая выбрала его. Так почему же ответственность должны нести мы? Но, даже если бы это было и так, я бы с готовностью взял на себя ответственность за эти шесть недель! Но, на самом деле, ответственность должны принимать на себя эти господа, и ответственность за последние тринадцать лет. Теперь они заявляют, что в течение последних тринадцати лет, они пытались делать только хорошее, но только мы им этого не позволили. Тринадцать лет они доказывали и экономически, и политически, чего они способны достичь. Страна экономически

разрушена, крестьянство уничтожено, средний класс доведен до нищеты, ресурсы плодородных земель и сообществ исчерпаны, сплошные банкротства и семь миллионов безработных. Они могут переворачивать все это как угодно, но ответственность за это нести им!

Оратор ненадолго прервался, и теперь из приемника послышался гул одобрения его слушателей. Посетители за столиком в дальнем углу кафе тоже одобрительно закивали, что-то вполголоса говоря друг другу. Шольц зашел под длинный навес, сел за свободный столик, а потом заказал у кельнера чай и бутерброд с бужениной. Теперь он видел, что голос оратора слышен из радиоприемника, стоявшего у самого выхода из кафе и повернутого так, чтобы его могли слушать все, кто отдыхал под навесом.

– Так и должно было случиться! – продолжал тем временем невидимый оратор, накаляя страсти все больше. – Неужели кто-то действительно верит, что страна в состоянии достигнуть прогресса, если ее политическая жизнь разрывается во внутренней борьбе, как это происходит в Германии сегодня? Я видел предвыборные заявки всего несколько часов назад. Тридцать четыре партии! Тридцать четыре партии! Рабочий класс имеет собственную партию. Причем не одну, одной явно недостаточно, их должно быть три или четыре. Буржуазия, которая более интеллигентна, нуждается в еще большем количестве партий! У среднего класса свои партии, у экономистов свои. У сельских жителей тоже свои партии – три или четыре, не меньше. Господа домовладельцы, с учетом своего особого политического пути, тоже должны выражать мировоззрение посредством партии. Разумеется, нельзя оставить без внимания других господ, которые эти дома снимают. У католиков есть своя партия! У протестантов – тоже! Есть партия для Баварцев! И для жителей Тюрингии! Для Вюртемберга своя особая партия! И так далее! Тридцать четыре партии на одну страну! И это в тот самый момент, когда перед нами стоят величайшие задачи, которые могут быть решены лишь в одном случае: когда все силы нации будут собраны воедино!

За дальним столиком раздались неуверенные хлопки. Курт повернулся и заметил, как трое мужчин одобряюще хлопают и смотрят в сторону радиоприемника, выражая тем самым свое согласие со словами выступавшего перед публикой человека. Сам Шольц сидел почти неподвижно, стараясь не пропустить ни одного слова из речи, звучавшей из потрескивавшего динамика.

– Наши оппоненты, – тем временем продолжал свою речь хриплый оратор, – называют национал-социалистов, и особенно, меня, нетерпимыми, неспособными ужиться с другими людьми, обвиняя нас в том, что мы не желаем помогать. Один политик заострил внимание на этой теме, сказав, что национал-социалисты не являются истинными немцами, поскольку отказываются сотрудничать с другими партиями. Значит, для немцев необходимо иметь тридцать партий? Я понял одну вещь: тот господин был совершенно прав! Мы не собираемся терпеть! И я поставил перед собою лично единственную цель – выдворить все эти тридцать партий из Германии вон. Меня постоянно путают с буржуа или политиком-марксистом. Сегодня он социал-демократ, завтра просто социалист, потом коммунист и, наконец, синдикалист; или сегодня демократ, завтра член Германской партии националистов, а потом партии экономистов... Они постоянно путают нас с собой! А перед нами сегодня стоит одна-единственная задача: фанатично и беспощадно столкнуть всех их в могилу! Я видел этих буржуа, которые пытаются оценивать наше движение. Всего несколько месяцев назад я встречался с Рейхсминистром внутренних дел, который сказал мне, что нужно распустить всех этих людей, заставить их снять форму, а потом сделать их деятельность нейтральной, пацифистской, демократической, в общем – превратиться в спортивный клуб. И затем они могут идти дальше, а меня

и национал-социалистского движения больше не будет. Простая формула! Вот что они думают! Они все еще не желают понять, что происходит нечто совершенно другое, отличное от буржуазной парламентской политической партии. Это движение невозможно распустить, а его члены становятся все больше похожими на солдат. Истинную Германию, которую открыло наше движение, нельзя просто так взять и спихнуть с дороги.

– Он сумасшедший! – так, чтобы все слышали, сказал лысый мужчина в пенсне и дорогом светлом костюме, отрезая себе ножом кусочек бифштекса. – Ведь это...

Но договорить он не смог, потому что спутница резко взяла его за рукав и очень выразительно на него посмотрела.

– Да нет, ну правда, это же просто абсурд... – как будто извиняясь, снова сказал мужчина неполного голоса, положив столовые приборы на стол и осторожно поправляя свой галстук.

Дама, дернув его за рукав сильнее, с опаской оглянулась по сторонам и, кашлянув, что-то тихонько прошептала мужчине на ухо. Ее спутник разочарованно пожал плечами, подумал секунду и снова принялся за бифштекс, всем своим видом показывая, что с ним поступают несправедливо, и ему есть, что сказать.

– Есть буржуазный политик, – все громче и напористее несло из динамика, – который заявляет, что он непременно добьется уничтожения национал-социализма, а потом вернется к тому, с чего начинал! Вот что они думают, потому что просто не понимают – наше движение держится на том, что просто невозможно уничтожить. До того, как объявились все эти тридцать партий, был Германский народ. Когда эти партии исчезнут, народ по-прежнему останется. И мы не желаем быть всего лишь представителями какого-либо рода деятельности, класса, религии или местности!

И тут голос оратора почти перешел на крик, в его словах напряжение достигло такого предела, что невольно передавалось всем слушателям вокруг.

– Мы хотим показать Германскому народу, что, прежде всего, нет жизни без справедливости, а справедливости без власти, власти без силы, а вся сила должна происходить из нашего собственного народа! – хрипло и почти нараспев подытожил оратор.

И сразу же после этих слов из радиоприемника зазвучала торжественная музыка, сквозь которую были слышны восторженные крики толпы.

Курт сидел потрясенный. Впервые в жизни он услышал от незнакомого политика слова и мысли, которых в той или иной мере придерживался он сам. Впервые в жизни он видел, как кто-то, кого он не знал, сумел так точно и коротко выразить все, что не давало ему покоя на протяжении последних нескольких лет. Точнее сказать было попросту невозможно. И Шольц с восторгом наслаждался ощущением от только что услышанной речи, мысленно проговаривая отдельные ее моменты снова и снова. Наконец, будучи очень сильно взволнованным, Курт встал со своего места и подошел к дальнему столику, где сидели те самые трое мужчин, которые, как ему показалось, тоже одобряюще кивали словам оратора.

– Простите, вы можете сказать мне, кто это сейчас выступал? – спросил Шольц, обращаясь сразу ко всем трем.

– Ты что, друг, до сих пор не знаешь лидера национал-социалистов? – удивленно спросил один из мужчин и с некоторым разочарованием посмотрел на Курта. – Вот что я скажу тебе, молодой человек. Изучай историю, потому что таких людей нужно знать и гордиться ими.

Двое других одобрительно закивали и, стукнув пивными кружками, сделали из них по большому глотку.

Курт оскорбленно пожал плечами в ответ. Секунду подумав, он быстро перешел на другую сторону улицы и вернулся к газетной лавке. Шольц спросил у продавца любую газету с афишами берлинских кинотеатров. Получив свежий номер издания «Новый Берлин», он стал внимательно изучать интересующую его колонку. Отыскав то, что ему было нужно, Курт дождался трамвая, а затем проехал на нем несколько остановок. После этого он прошел еще полквартиры пешком и, наконец, оказался перед красивым зданием кинотеатра. Молодой человек, по-прежнему пребывая в волнении, поспешно купил билет и прошел в большой зал, освещенный мягким рассеянным светом. Когда свет погас и появились первые кадры хроники, Курт осознал, что этим вечером в его жизни произошло нечто чрезвычайно важное. Этим вечером произошло нечто, что было способно не просто заставить его заново взглянуть на события, происходившие вокруг и волновавшие его в течение последнего времени, но и полностью изменить всю его дальнейшую жизнь и карьеру. Ему вдруг стало предельно ясно, что именно он должен делать в самом ближайшем будущем и как именно он должен поступить со всем тем, что остается в его бесполезном прошлом. Внезапно Курт понял, что все, о чем он так долго мечтал и чего настолько сильно желал, живет, существует, строится совсем рядом с ним. И надо лишь сделать шаг в нужную сторону.

– Соратники немцы! Наш народ проявляет сознание и поднимается! – хриплым голосом, с расстановкой, произнес с огромного экрана человек в военной форме, с невероятно волевым и решительным взглядом, гордой осанкой, тщательно зачесанной набок челкой и широкой щеточкой усов.

Он выступал с высокой трибуны, украшенной четырьмя замысловатыми крестами в белых кругах и венками из дубовых листьев. В его словах и жестах сквозило непримиримое, непреклонное, фанатичное желание властвовать. В его фигуре угадывались неисчерпаемая дьявольская сила и несокрушимое стремление к победе. Он выступал с трибуны перед немецким народом. Перед тысячами людей. Перед солдатами, рабочими, крестьянами, женщинами, детьми. И перед Куртом Шольцем.

Часть 2

1942

Глава I

Издали, со стороны шоссе, лагерь совсем не выглядел чем-то страшным или зловещим. С такого расстояния еще не были видны ни столбы с натянутой на них в несколько рядов колючей проволокой, ни таблички с предупреждающими надписями на нескольких языках, ни пропускные пункты с неизменными охранниками, изучавшими внимательным взглядом всех, кто имел намерение пересечь лагерную границу. С шоссе были заметны лишь ровные ряды многочисленных длинных строений, да охранные вышки (опять же, издали выглядевшие заброшенными), окружавшие территорию лагеря со всех четырех сторон.

В их строю было человек двести, ну, может, двести пятьдесят. Сара шла в самом его конце. Последнее, что ей запомнилось, были горожане, смотревшие из своих окон и дворов на медленно двигавшуюся по улочкам Люблина людскую колонну, ряды которой были со всех сторон окружены плотным строем эсэсовцев. Глаза горожан, чаще всего испуганные и сочувствующие, иной раз выражавшие спокойное удовлетворение с легким оттенком презрения, а иногда и попросту равнодушные, провожали колонну на всем ее пути, от центра города до его окраины. В большинстве своем, эти люди были ей незнакомы. Хотя, кого-то из них она, все же, знала. Ну, или просто видела в прошлом на городских праздниках, или когда-то покупала у них овощи на рынке, или как-то заглядывала к ним в лавку для того, чтобы посмотреть на витрины, красиво украшенные различными безделушками. Но все это осталось в прошлом. А сейчас она, вместе с еще двумя сотнями человек под конвоем брела мимо знакомых домов и улиц, чувствуя себя какой-то преступницей. Только вот в чем было ее преступление?

Когда их строй миновал городскую черту, ко всем сразу пришло заметное облегчение. Нет, охранники с винтовками никуда не делись и по-прежнему вышагивали сбоку и сзади, пристально следя за тем, чтобы никто из них не сделал попытку отстать или пересечь дорогу с целью скрыться в ближайшей роще. Просто больше никто не смотрел на них из-за приспущенных занавесок и благоразумно прикрытых ворот, а потому не стало и чувства того унижения, которое неизменно испытывает любой человек, когда его под конвоем ведут по родным местам, да еще и мимо людей, которые еще совсем недавно были его соседями. Одним словом, многие вздохнули свободнее, и Сара заметила, как некоторые в колонне даже расправили плечи и выше подняли голову.

Но, чем ближе они подходили к лагерю, тем больше росло беспокойство. И, когда один из эсэсовцев дал, наконец, команду остановиться, люди принялись с опаской изучать незнакомые им окрестности.

Они стояли на небольшой площади. Слева остались ворота одного из входов в лагерь. Одноэтажный деревянный домик с фундаментом из кирпича и треугольной крышей, опирающейся на деревянные бревна, а сбоку домика – низкие и длинные створки – вот и все, что отделяло их сейчас от десятков барачных и тысяч людских фигур в полосатой форме, суетившихся по другую сторону проволоки под присмотром охранников и надзирателей. Впереди

виднелся целый ряд зданий, находившихся за территорией лагерного ограждения. Во дворах этих строений, как и возле построек, располагавшихся непосредственно на территории лагеря, были видны многочисленные группы людей в полосатой форме, занятых на различного рода работах. И рядом с ними неизменно находились несколько охранников или женщин в серой одежде с палками или с хлыстами в руках. Кроме того, позади их колонны располагался еще один барак – прямоугольной формы и с двумя большими пристройками с одной из его сторон. О его назначении оставалось только гадать. Все это, подобно небольшому городку, жило своей самостоятельной жизнью. С той лишь разницей, что в городке, обычно, слышен будничная, быстро становящийся чем-то привычным для наблюдателя городской шум, а здесь отовсюду доносились лишь едва различимые, но, тем не менее, внушавшие страх и тревогу, многократно повторявшиеся крики и приказы на немецком языке.

Наконец, к колонне подошли несколько немецких офицеров и с десяток заключенных в полосатой одежде.

– Тем, на кого покажу я и мои коллеги, нужно выйти из строя и отойти в сторону, – громко объявил один из офицеров, и заключенный, стоявший рядом с ним, без промедления перевел его речь на польский.

Эсэсовцы стали сообща ходить вдоль рядов и выводить из колонны людей, чей возраст, на вид, превышал сорок лет. Спустя некоторое время примерно треть из всего строя стояла напротив колонны. Офицеры снова прошли вдоль строя, и теперь ко второй группе присоединились женщины с детьми и несколько мужчин, которые выглядели больными и изможденными. Эсэсовец, который делал объявление, в последний раз прошел вдоль колонны и, видимо, оставшись довольным ее составом, удовлетворенно кивнул.

– Сейчас вас всех отведут к зданию бани, – снова объявил он, повернувшись к строю, в котором осталась стоять Сара. – Там вам выдадут специальные мешки, в которые нужно сложить всю вашу одежду. Я подчеркиваю, абсолютно всю вашу одежду и обувь. Пока вы будете мыться, ваша одежда будет подвержена дезинфекции. Вы получите ее позже. Все ваши вещи оставьте здесь. Повторяю, нельзя нести с собой чемоданы и сумки. Все нужно оставить прямо здесь. Все это вам тоже вернут позже. Перед входом в душ вам подстригут волосы и выдадут банные принадлежности. Время, отведенное на то, чтобы помыться, составляет пять минут. Прошу всех соблюдать дисциплину и организованность. Если вы будете вести себя организованно и спокойно, то скоро вам будут предоставлены еда и крыша над головой.

Заключенные, стоявшие рядом с эсэсовцами, подошли к взволнованным людям и стали показывать направление, в котором нужно было двигаться. Большинство охранников, конвоировавших их от самого Люблина, теперь со всех сторон обступило тех, кого офицеры только что вывели из строя. И только с десяток из них встали по бокам колонны, в которой осталась Сара. Оставив на площади все свои вещи, прибывшие послушно направились к зданию с двумя пристройками. Все старались соблюдать тишину и не мешали друг другу.

Зайдя вместе со всеми в одну из пристроек, Сара оказалась в большом длинном коридоре, по бокам которого были закреплены деревянные скамьи и сотни крючков для одежды. Пятнадцать заключенных поочередно обстригли всем волосы, и Сара, посмотрев на тех, с кем она шла сюда от самого Люблина, поразилась тому, насколько все стали похожими друг на друга.

Заклученные стали быстро раздавать прибывшим плотные мешки, объясняя, что в них нужно сложить одежду. Какой-то молодой парень сунул такой мешок и ей в руки.

– Сложи сюда свою одежду, – сказал он по-польски и, заметив в глазах Сары тревогу, добавил: – Успокойся, это просто душ.

Люди, отвернувшись друг от друга, начали медленно раздеваться. Сара, снимая с себя одежду, старалась не думать о том, что всего в нескольких шагах от нее раздеваются десятки незнакомых мужчин. Но не думать не получалось. У нее тряслись руки, глаза наполняли слезы, и она долго не могла расстегнуть пуговицы на своем платье. Наконец, все остались совершенно нагими. Заклученные выдали каждому по куску мыла, а затем, под присмотром эсэсовцев открыли железные двери в конце коридора и начали объяснять, что всем нужно зайти вовнутрь.

Помещение бани оказалось довольно обширным, и прибывшие, которых теперь оставалось человек сто, разбрелись по разным его частям, стараясь не смотреть друг на друга. Через несколько минут из душевых колонок, подвешенных под самым потолком, на людей под сильным напором хлынули ледяные струи воды. Послышались крики. Вода обжигала тела, всех мгновенно охватил жуткий холод. Быстро помывшись, люди столпились вдоль стен, куда не доставала вода, и пытались хоть как-то согреться. Совсем скоро в дальнем конце помещения открылись двери, и прибывшие стали проходить в них, стремясь как можно быстрее покинуть холодную баню.

В следующем помещении располагались несколько столов, на которых высокими стопками лежала полосатая лагерная форма. Рядом с каждым столом стоял узник, выдававший форму нагим, замерзшим и еще не успевшим обсохнуть людям. Сара, когда подошла ее очередь, получила форму, состоящую из довольно широких штанов, халата и шапки. На правой штанине была нашита матерчатая полоска с номером «47252». Такая же нашивка и желтая шестиконечная звезда имелись и на халате, на уровне груди, слева. Заклученный, выдававший форму, спросил ее имя, год и место рождения, потом аккуратно записал все данные в карточку и жестом подозвал к себе следующего из очереди.

На выходе из здания их всех разделили. Мужчины оказались в одной группе, женщины в другой. Теперь Сара вместе с другими девушками находилась в ведении двух надзирательниц. Одного роста и возраста, схожие во внешности, в одинаковой серой форме, надзирательницы не стали ничего объяснять и приказали отряду перепуганных замерзших людей следовать к лагерным воротам. На входе в лагерь всем было приказано остановиться и ждать. Одна из надзирательниц подошла к двум охранникам и стала негромко говорить с ними. До Сары доносились лишь обрывки фраз на немецком.

– Тридцать девять... В женский... Только прибыли.

– Мало в этот раз...

– Пытаются закончить с гетто в Люблине... Эти оттуда... Там, как я слышала, уже почти никого не осталось, разве что квалифицированные ремесленники...

– Да, да... Какие планы на вечер, Хильда?

– Да какие тут могут быть планы... Дышать даже нечем... Проклятая Польша...

– Ах, Хильда...

Охранники открыли ворота. Надзирательница подала их отряду команду заходить на территорию лагеря.

Близился вечер. В секторе для женщин было заметно оживление. Надзирательницы подвели колонну к барaku с большой черной табличкой с номером «14». К ним сразу же подошла заключенная, одетая почему-то не в полосатую, а в черную форму.

– Тридцать девять. В твой барак, – коротко сказала одна из надзирательниц и передала ей какой-то список.

Почти сразу обе немки удалились, оставив строй наедине с заключенной в черной форме.

– Кто понимает немецкий?

Сара отозвалась.

– Будешь переводить, – кивнула ей заключенная. – Я – староста барака. Теперь все вы подчиняетесь в первую очередь мне. Номер вашего барака – четырнадцатый. Через полчаса начнут раздавать пищу. Это вон там. Посуду получите у меня. После ужина будет вечерняя поверка. Когда прозвучит ваш номер, будете отзываться. Завтра с самого утра снова поверка и потом вас распределят по рабочим бригадам.

Стемнело. На территории лагеря зажглось множество фонарей. Через ворота, преграждавшие вход в сектор, начали прибывать многочисленные отряды узниц. Сколько же их! Сара, попытавшись чем-то себя занять, принялась считать и сбилась после одиннадцатой сотни. Повсюду слышалась тихая речь на самых разных языках. Часто доносились обрывки фраз и на польском.

Наконец, прозвучала команда получать ужин. Сара встала в одну из длинных очередей, ведущих к группе узниц, наливавших половниками пищу из больших железных бидонов в протянутые им миски. Очередь продвигалась медленно, пришлось стоять долго. В какой-то момент, засмотревшись на то, как ссорятся между собой три заключенные по соседству, Сара замешкалась и впереди нее, с явным желанием получить еду первой, встала высокая крупная девица.

– Что уставилась? – по-польски спросила она, обращаясь к Саре. – А ну, отодвинься. Я сказала, отодвинься отсюда.

Сара, не став спорить, отошла назад. Очередь тут же плотно сомкнулась. Встать в нее снова было уже невозможно, и Сара, вздохнув, посмотрела в самый ее конец. Было обидно из-за того, что придется стоять сначала, но ничего не поделаешь.

– Эй, ты, – снова раздался грубый голос позади нее.

Сара обернулась. Девица, что вытеснила ее из очереди, внимательно смотрела ей вслед.

– Ты откуда? Из Польши? – спросила заключенная.

– Отсюда, – коротко кивнула Сара в ответ.

– А в каком бараке ночуешь?

– В четырнадцатом.

– В моем, значит...

Сара снова с сожалением посмотрела в самый конец очереди. Ужасно хотелось есть.

– Иди сюда, – немного подумав, неожиданно позвала ее девица. – Ну иди, иди, чего стоишь?

Сара осторожно приблизилась к ней.

– Вставай впереди, – снисходительно произнесла заключенная, а потом отодвинулась и пропустила ее вперед. – Чего сразу уходишь? Хоть бы возразила что-нибудь для приличия.

– Спасибо, – поблагодарила ее Сара. – Да я только сегодня...

– Новенькая, что ли?

– Выходит, что так.

– Ясно... Ну вот, давай ей свою миску.

Сара протянула железную посудину раздающей, и та ловко налила в нее половину черпака какой-то зеленоватой кашицы. Затем она сунула в руку Саре кусочек хлеба размером с четверть ладони. Девица грубо толкнула Сару вбок и поспешно протянула раздающей свою миску.

– Лей больше, – буркнула она, жадно глядя в сторону опускавшегося в бидон половника.

Получив свою порцию кашицы и хлеб, девица подошла к Саре.

– Когда пожрешь, иди к четырнадцатому, там будет вечерняя переключка. Знаешь, где четырнадцатый? Вон он. Да, вон тот.

С этими словами она отошла в сторону и, отвернувшись, жадно принялась за еду.

Сара попробовала на вкус содержимое миски. Кашица напоминала непроваренный кисель со сладковатым привкусом и пахла овсом. Сара, давясь от отвращения и прикрывая ладонью рот, с трудом заставила себя съесть большую ее часть. Когда стало совсем уж невмogu, она украдкой, чтобы никто не заметил, выплеснула остатки кашицы из миски на землю. Хлеб оказался ей сносным, и Сара с наслаждением смаковала его, медленно разжевывая каждый откусанный кусочек.

Закончив с ужином, Сара пошла к бараку. Во время вечерней переклички она смотрела в ту сторону, где находился ее родной Люблин, и все время думала об отце и Ревекке, оставшихся в городе и наверняка теперь сшедших с ума от неизвестности по поводу нее. Она задумалась настолько, что не успела среагировать сразу после того, как прозвучал ее номер, и старосте барака пришлось прокричать его снова. Сара поспешно подняла руку и отозвалась, подражая заключенным в строю, которые проделывали все это, услышав свои номера чуть раньше. Через мгновение она получила сильнейшую пощечину, первую в своей жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.